

ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА

*Инсценировка романа Эриха Марии Ремарка «Триумфальная арка»
в 2-Х частях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Людвиг Фрезенбург (доктор Равик), 42 лет.
 Жоан Маду, 27 лет.
 Доктор Вебер.
 Эжени – операционная медсестра.
 Борис Морозов – русский эмигрант.
 Фон Хааке – гестаповец.
 Роланда – распорядительница публичного дома «Озирис».
 Девушки из «Озириса»: **Леони,**
Ивонна,
Марта.
 Хозяин отеля «Верден».
 Коридорный отеля «Верден».
 Парень в клетчатой куртке.
 Женщина с фанерным баулом.
 Сибилла.
 Кларисса – официантка столовой «Энтернасьональ».
 Актёр.
 Полицейский.
 Кельнеры парижских ресторанов и бистро, прохожие, гестаповцы.

И ТРУПЫ:

Девушки, умершей на операционном столе.
 Рачинского, сожителя Жоан Маду.
 Фон Хааке.

ЧАСТЬ 1. ВСТРЕЧА.

Париж. Ноябрь 1938 года. – Промозглая сырая глубокая ночь. – Через мост Альма прямо на Людвига быстро, но каким-то нетвёрдым шагом идёт женщина. В тусклом свете фонаря её бледное оцепеневшее лицо походило на маску, казалось безжизненным, а в глазах застыло выражение такой стеклянной пустоты, что Людвиг невольно насторожился.

Женщина проходит так близко, что едва не задевает его. Он протянул руку и схватил её за локоть. Она пошатнулась и, вероятно, упала бы, если бы он её не удержал.

Людвиг (*немного помедлив*). Куда вы?

Женщина (*глядя на него в упор, почти шепчет*). Пустите!

Людвиг, ничего не ответив, по-прежнему крепко держит её за руку.

Женщина (*едва шевеля губами*). Пустите меня! Что это?

Людвиг (*a parte*). Она не проститутка и не пьяна.

Женщина (*будто не видя его, машинально повторяет*). Пустите меня!

Людвиг. Куда же вы, в самом деле? Ночью, одна, в Париже?

Отпускает её руку. Женщина молчит, но не двигается с места.

Людвиг (*прислонившись к парапету моста*). Уж не туда ли? (*Указывает вниз, в Сену*.) Слишком рано, да и слишком холодно. Ноябрь.

Она шагнула к парапету, осторожно оперлась, апатично уставилась в ползущую черноту воды.

Людвиг (*a parte*). Почему, собственно, я её остановил? С ней что-то стряслось, это ясно. Но мне-то какое дело? Мало ли я встречал женщин, с которыми что-то случалось, особенно ночью, особенно в Париже.

Людвиг. Ступайте домой.

Женщина (*глядя на него непонимающими глазами, повторяет*). Домой?

Людвиг. Домой, к себе на квартиру, в отель – куда угодно. Неужели вам хочется попасть в полицию?

Женщина. В отель! О боже!

Людвиг (*a parte*). Опять кому-то некуда идти. Это следовало предвидеть. Всегда одно и то же. Ночью не знают, куда деваться, а утром исчезают прежде, чем успеешь проснуться.

Людвиг. Пойдемте куда-нибудь, выпьем рюмку водки.

Женщина сделала неверное движение и споткнулась. Людвиг поддержал.

Людвиг. Устали?

Женщина. Наверно.

Людвиг. Пойдёмте. Я провожу вас.

Они пошли вверх по авеню Марсо, потом пересекли авеню Петра Сербского. За перекрёстком улицы Шайо, вдали, на фоне дождливого неба возникла зыбкая и тёмная громада Триумфальной арки.

ЖОАН МАДУ.

Небольшой отель «Энтернасьональ» в переулке за площадью Терн. – Однокомнатный номер с ванной, в котором последние два года жил Людвиг.

Женщина, примостившаяся в уголке дивана, некоторое время сидит одна тихо и неподвижно. Наконец в комнату возвращается Людвиг.

Людвиг. Ничего не выходит. Раздобыть номер не удалось.

Женщина (*отрешённо*). Можно мне ещё немного побыть здесь?

Людвиг. Можете даже тут переночевать. Это самое простое.

Женщина (*медленно, почти машинально покачав головой*). Мне бы не хотелось...

Людвиг. Господи, да вы ничуть меня не стесните! Сколько раз тут уже ночевали люди, не знавшие, куда им деться. В этом отеле живут беженцы. Ночные пришельцы здесь никого уже не удивляют. Ложитесь на кровать. Я устроюсь на диване.

Женщина. Нет-нет...я просто посижу. Если только вы разрешите...

Людвиг. Ну, как хотите. (*Снял пальто и повесил на вешалку. Потом взял с кровати одеяло с подушкой и положил их рядом с ней.*) Это вам. Могу ещё предложить пижаму – она в комод. (*Женщина покачала головой.*) А плащ всё-таки снимем. Насквозь промок. Да и берет тоже. Дайте-ка сюда. (*Она отдала ему плащ и берет; он положил подушку на валик дивана.*) Это под голову... А теперь ещё туфли... Уж конечно, тоже промокли. Того и гляди, простудитесь. (*Снял с неё туфли, достал из комода пару шерстяных носков и надел ей на ноги.*) Даже в самые тяжёлые времена надо хоть немного думать о комфорте. Старое солдатское правило.

Женщина. Большое спасибо.

Телефонный звонок всполошил обоих.

Людвиг. Испугались? (*Снял трубку.*) Что?.. Да. Хорошо...да... конечно. Где?.. Хорошо,

сейчас же еду... Горячего кофе и покрепче... да. *(Осторожно положил трубку.)*
 Мне надо уйти. Срочно. *(Женщина тотчас поднялась.)* Нет-нет. Оставайтесь здесь.
 Поспите. Я должен уйти на час-другой, не знаю точно, на сколько. *(Он надел пальто.)*

Женщина. Можно мне пойти с вами?

Людвиг. Нет, никак нельзя. Побудьте здесь. Если хотите, ложитесь в постель. Коньяк в шкафу. Спите...

Женщина *(торопливо)*. Не выключайте свет!

Людвиг *(испытующе посмотрев на неё)*. Да я и не собирался его выключать. Пусть горит.

Уже в дверях обернулся и подозрительно оценивающе оглядел свою гостью.

Людвиг. Как вас зовут?

Женщина. Маду. Жоан Маду.

Людвиг. Жоан Маду. Хорошо. *(Уходит.)*

ДОКТОР ВЕБЕР И ЭЖЕНИ.

Клиника доктора Вебера. – В маленькой операционной было светло, как днём. Комната походила на образцовую бойню. На полу – вёдра с ватой, пропитанной кровью, вокруг разбросаны бинты и тампоны, багрово-красный цвет торжественно и громогласно бросал вызов безмолвной белизне.

Доктор Вебер сидит за лакированным стальным столиком и что-то пишет. Старшая операционная медсестра Эжени собирает хирургический инструментарий. Людвиг с угрюмым остервенением вытирает полотенцем руки. Лишь тело молодой женщины, лежавшее на столе, было ко всему безучастным.

Людвиг *(тихо и зло)*. Дерьмо! Гнусное проклятое дерьмо!

Эжени с отвращением посмотрела на него.

Вебер. Спокойно, Эжени! Все хирурги ругаются. Вам пора бы к этому привыкнуть.

Эжени. Профессор Перье никогда не ругался. И, тем не менее, спас многих людей.

Вебер. Профессор Перье был специалистом по мозговым операциям. Тончайшая, виртуозная техника, Эжени. А мы потрошим животы. *(Захлопнул тетрадь с записями и встал.)* Вы хорошо поработали, Равик. Но что поделаешь, коли до вас орудовал коновал?

Людвиг. Всё-таки... иногда можно кое-что сделать.

Вебер. Странно, что вы до сих пор расстраиваетесь, когда кто-нибудь умирает у вас под ножом. Ведь вы режете уже пятнадцать лет, всё это вам хорошо знакомо.

Людвиг. Да, знакомо... *(Закуривая сигарету, задумчиво смотрит на Вебера.)* Ей шёл двадцать первый год.

Сестра с молчаливым неодобрением распахнула окно.

Вебер. Браво, Эжени. Вы всегда действуете согласно инструкциям.

Эжени. У меня есть определённые обязанности. Здесь спирт и эфир. Я не желаю взлететь на воздух. А некоторые таких обязанностей не имеют. И не хотят иметь.

Вебер *(рассмеявшись)*. Это в ваш адрес, Равик! По утрам Эжени весьма агрессивно настроена. Нам лучше всего удалиться. Здесь всё равно больше нечего делать.

Людвиг взглянул на сестру. Она бесстрашно встретила его взгляд.

Людвиг *(a parte)*. Человек – автомат, именуемый сестрой Эжени и гордившийся тем, что никогда не совершал ошибок. Такие всех переживут. Солнце не любит эти деревянные души, оно забывает о них. Потому-то они и живут бесконечно долго.

Людвиг *(Эжени)*. Вы правы. Простите.

Загасил сигарету. Эжени молча накрывает труп простынёй и катит его прочь.

Вебер. До свидания, Эжени.

Эжени. До свидания, доктор Вебер.

Людвиг. До свидания. Простите меня за ругань.

Эжени *(ледяным тоном)*. Всего хорошего, мсье Равик.

Вебер *(поправляет её)*. Доктор Равик, Эжени. В Германии он был главным хирургом крупной больницы. Занимал гораздо более высокое положение, чем я сейчас.

Эжени *(намереваясь выказать своё полное пренебрежение к сказанному)*. Здесь...

Вебер *(замахав на неё руками)*. Ладно, ладно! Всё это нам известно. У нас в стране не признают иностранных дипломов. Желаю вам хорошенько выспаться, Эжени.

Эжени. Спасибо, господин доктор. *(Удалилась.)*

Вебер *(покачивая головой)*. Железобетонный характер! *(Направился было к выходу, но спохватывается, секунду размышляет, потом оборачивается к Людвигу.)* Вы не могли бы сегодня после обеда произвести вместо меня врачебный осмотр в «Озирисе»?

Людвиг. Разумеется.

Вебер. Вас это не затруднит?

Людвиг. Нисколько. Я абсолютно свободен.

Вебер *(с сочувствием вперившись в Людвиг)*. Да-а, форменный идиотизм! Такому мастеру своего дела запрещено работать открыто!

Людвиг. В таком положении все врачи, бежавшие из Германии.

Вебер. И всё-таки! Какая нелепость! Вы делаете за Дюрана самые сложные операции, а он делает себе имя вашими руками.

Людвиг. Это лучше, чем если бы он оперировал сам.

Вебер *(рассмеявшись, направился к двери)*. Что будете пить, Равик? Коньяк или «дьюбоннэ»?

Людвиг. Кофе, если можно.

Вебер. Ну, конечно же, можно. Пошли.

«КАПЛЯ ТЕПЛА».

«Энтернасьональ». Номер Людвиг – Горящие электрические лампочки и утро, вползавшее в окно, наполняли комнату желтовато-бледным болезненным светом. – Жоан сидит на диване, отчуждённо глядя в потолок. Когда вошёл Людвиг, она не закричала – только приподнялась с лёгким, приглушённым возгласом, оперлась на локти и замерла.

Людвиг. Спокойно, не бойтесь. Это я. *(Жоан облегчённо вздохнула.)* Я думаю, теперь уже можно погасить. *(Выключив свет, вглядывается в неё.)* Что-нибудь случилось? Кто-нибудь сюда приходил?

Жоан. Нет.

Людвиг. Но что-то наверняка произошло! Почему вы уставились на меня, как на привидение?

Жоан *(болезненно скривив губы)*. Запах.

Людвиг. Запах?..

Жоан. Это тот же... тот же запах...

Людвиг. Ах, вот оно что! Вы, наверно, про эфир. Эфир? *(Она кивнула.)* Вас когда-нибудь оперировали?

Жоан. Нет...но...

Людвиг *(не слушая больше, открывает окно)*. Сейчас проветрится.

У вешалки, освобождаясь от пальто, он увидел в зеркале своё лицо. Задумчиво вглядывается.

Людвиг *(a parte)*. Несколько часов назад я точно так же стоял здесь. За это время умер

человек. Но что тут особенного? Ежеминутно умирают тысячи людей. Так свидетельствует статистика. Но для того, кто умирал, его смерть была самым важным, более важным, чем весь земной шар, который неизменно продолжал вращаться...

Он сел на край кровати, снял туфли и повалился на кровать, не раздеваясь. Скопил глаза в сторону Жоан. Женщина забилась в угол дивана, натянув одеяло до подбородка.

Людвиг. Холодно? *(Она покачала головой.)* Бойтесь? *(Она кивнула.)* Меня?

Жоан. Нет.

Людвиг. Города за окном?

Жоан. Да.

Людвиг закрыл окно, посмотрел на её затылок, на плечи.

Людвиг *(a parte).* Чьё-то дыхание. Частичка чужой жизни, тепла... Что может дать один человек другому, кроме капли тепла? И что может быть больше этого? *(Жоан обернулась; глядя на Людвиг, нервно передёрнула плечами.)* Утро, женщина. Думать больше... не о чем.

Людвиг. Иди сюда. *(Она оцепенело уставилась на него.)* Иди же.

Жоан тихо подошла и робко примостилась на краешек рядом с Людвигом, продолжая удерживать одеяло у подбородка. Он осторожно потянул за одеяло, а когда Жоан разжала пальцы, скомкал его и отбросил. Ладонью накрыл её стиснутые и прижатые один к другому кулачки, свободной рукой, взяв за подбородок, повернул к себе её лицо. Прежде, чем дать губам прийти в соприкосновение, оба застыли на мгновение глаза в глаза.

ТРУП РАЧИНСКОГО.

Отель «Верден». Комната № 14 – номер, который снимали Жоан и её умерший сожитель по фамилии Рачинский.

В номере было две кровати. На той, что стояла у стены, лежал покойник. Жёлтый и неподвижный, с курчавыми чёрными волосами, он лежал в красной шёлковой пижаме, словно восковая фигура святого. Руки сложены на груди. Глаза полуоткрыты, один больше другого – это придавало лицу выражение полнейшего безразличия, будто на нём застыло выражение вечной скуки.

Бледная Жоан сидела на стуле в углу, Людвиг смотрел лекарства на столике.

Людвиг. Вы жили с ним? *(Жоан ничего не ответила.)* Долго?

Жоан. Два года.

Появился хозяин с листком в руке. Он вошёл без стука.

Людвиг. Где чемоданы?

Хозяин. Сперва надо оплатить счёт.

Людвиг. «Сперва» – чемоданы. Пока никто не отказывался платить по счёту. Номер ещё занят, и в следующий раз, прежде чем войти, потрудитесь постучать. *(Вытаскивает из его руки счёт.)* Прикажите принести чемоданы.

Хозяин вышел, хлопнув дверью.

Людвиг. В чемоданах есть деньги?

Жоан. Деньги?.. Нет, кажется, нет. Он... держал деньги в бумажнике.

Людвиг. Где бумажник?

Жоан. Он под... под подушкой.

Людвиг *(осторожно приподнял подушку вместе с головой покойника, извлёк чёрный кожаный бумажник и подал женщине).* Возьмите деньги и всё, что для вас важно.

Быстро. Сейчас не время для сантиментов. Вы должны жить. Для этого деньги и предназначены. Не пропадать же им в полиции. *(Отошёл к окну и стал просматривать счёт; почувствовав вопросительный взгляд Жоан, поднял голову.)* Готово?

Жоан. Да.

Людвиг. Теперь отдайте мне бумажник. *(Людвиг снова сунул его под подушку.)* Вы уже платили за номер?

Жоан. Не знаю. По-моему, да. Он часто говорил, что...в его положении очень важно аккуратно платить за всё.

Людвиг *(зажав пальцами край счёта и удерживая его вертикально на уровне лица).* Это счёт за две недели. *(С усмешкой покачал головой.)* Ну и подлец этот хозяин!

В дверь постучали. Слуга внёс чемоданы. За ним последовал хозяин.

Людвиг *(обращаясь к Жоан).* Все тут?

Жоан. Да.

Хозяин. Разумеется, все. А вы что думали?

Людвиг *(взял маленький чемодан).* Где могут быть ключи?

Жоан. В шкафу, в костюме.

Людвиг открыл шкаф. Он был пуст.

Людвиг *(хозяину).* Ну?!

Хозяин *(обернулся к коридорному).* Где костюм?

Коридорный *(запинаясь).* К-костюм я вынес.

Хозяин. Зачем?

Коридорный. П-почистить, погладить.

Людвиг. Пожалуй, покойнику это уже ни к чему.

Хозяин *(рывнул).* Чтоб сейчас же костюм был тут, проклятый ворюга!

Коридорный, испуганно моргая, вышел и тут же вернулся с костюмом. Людвиг встряхнул пиджак, брюки. В брюках что-то звякнуло. Он достал из брюк ключи и открыл чемодан. Счёт быстро нашёлся.

Людвиг *(показал хозяину оплаченный счёт).* Вы посчитали за лишнюю неделю.

Хозяин *(огрызаясь).* Вот как? А неприятности? А труп в отеле? А волнения? Всё это, по-вашему, пустяки, да? А что у меня опять желчь разыгралась? За всё это платить не надо?.. А постель? А дезинфекция номера? А изгаженная простыня?

Людвиг. Постельное бельё указано в счёте. Кроме того, вы посчитали двадцать пять франков за ужин, который он *(указывает на покойника)* якобы съел вчера вечером. *(Повернулся всем корпусом к Жоан, с трепетом наблюдающей за перепалкой из своего угла.)* Вы ели что-нибудь вчера?

Жоан. Нет. Но, может быть, лучше просто уплатить? Я... мне хотелось бы поскорее покончить со всем этим.

Людвиг *(a parte).* Поскорее покончить... Уж лучше так...хоть это и омерзительно.

Людвиг *(вытащив из кармана карандаш и быстро подкорректировав счёт, протянул листок хозяину).* Согласны?

Хозяин *(взглянув на итоговую цифру).* Вы что, сумасшедшим меня считаете? Кто вы такой? Чего вы суётесь?

Людвиг. Я брат. Согласны?

Хозяин. Накиньте десять процентов за обслуживание и налоги. Иначе не соглашусь.

Людвиг. Хорошо. *(Подошёл к Жоан.)* Вам следует уплатить двести девяносто два франка.

Жоан вынула из сумки три кредитки по сто франков и протянула хозяину. Тот взял деньги и повернулся к двери.

Хозяин. К шести номер должен быть освобождён.

Людвиг. Восемь франков сдачи.

Хозяин. А портье?

Людвиг. Ему мы сами заплатим. И чаевые тоже.

Хозяин (*угрюмо отсчитал восемь франков и направился к двери*). Грязные иностранцы.

Людвиг (*последовав за ним*). Иные владельцы французских отелей считают своим долгом ненавидеть иностранцев (*хозяин толкнул дверь и вышел в коридор*)... Которыми они живут! (*Заметил, что коридорный всё ещё в комнате. По его лицу было видно – ждёт чаевых.*) Вот вам.

Коридорный (*взглянув на бумажку*). Благодарю, мсье. (*Ушёл.*)

Людвиг (*скосив голову на покойника и какое-то время рассматривая его*). Когда умираешь, становишься каким-то необычайно значительным, а пока жив, никому до тебя дела нет. (*Жоан сидела неподвижно в углу между чемоданами и молчала.*) Не спуститься ли вам вниз? Там, наверно, есть что-нибудь вроде холла.

Жоан. Нет. Я останусь здесь... Я часто... уходила. Теперь я хочу остаться с ним.

Людвиг (*a parte*). Ему теперь всё равно.

За окном медленно опускались сумерки.

ЧЕЛОВЕК В СЕРОМ ПАЛЬТО.

К а р т и н а 1.

Площадь Этуаль. Здесь собралась большая толпа. За Триумфальной аркой стояли прожекторы. Они заливали светом могилу Неизвестного солдата. Огромный сине-бело-красный флаг развевался над ней на ветру. Отмечалась двадцатая годовщина перемирия 1918 года.

Людвиг шёл через площадь в «Озирис» на осмотр девушек, который по договорённости с хозяйкой каждый четверг должен был проводить Вебер. Людвиг хотел пройти мимо, но, уловив тревожный магнетизм людской массы, остановился. Вытянув шею, он попытался посмотреть поверх голов вперёд, туда, куда были устремлены глаза толпы. Ничего, кроме стриженных затылков, беретов и кепи, шляп и шляпок, не было видно. Где-то играл военный оркестр. Невнятные жестяные звуки гимна. Никто не пел. Толпа стояла молча. Внимание Людвиг привлекла немолодая женщина с фанерным баулом, подошедшая к стоящим и что-то спросившая у высокого парня в клетчатой куртке.

Парень в клетчатой куртке. Двадцатая годовщина... перемирия восемнадцатого года.

Получив ответ, женщина сразу же пошла прочь, на ходу разговаривая сама с собой и жестикулируя свободной рукой.

Женщина с фанерным баулом (*поравнявшись с Людвигом и увидев, что привлекла его внимание*). Перемирие! Моего мужа убили в последнюю войну. Теперь на очереди сын. Перемирие! Кто знает, что ещё будет... (*Вздыхнула и пошла дальше; Людвиг рассеянно проводил её взглядом, машинально вытащил сигареты.*)

Оркестр смолк. Люди понемногу начали покидать этот человеческий рой. Людвиг намеревался прикурить, когда внезапно заметил шагах в тридцати от себя человека в сером пальто и в серой шляпе, с улыбкой выбирающего на свободное пространство площади. Это было словно удар кулаком в живот. В первое мгновение он ощутил только шок, ещё не понимая толком, что произошло.

Людвиг (*a parte*). Невозможно! Это невозможно! Он не может быть в Париже!

В следующую же секунду Людвиг опрометью ринулся в ту сторону, где мелькнуло

это улыбающееся лицо человека в сером. Кто-то выругался ему вдогонку. Он опомнился, перешёл на шаг и, стараясь не привлекать к себе внимание, пошёл быстро, как только мог... Он всматривался в лицо каждого мужчины, которого обгонял, заглядывая под шляпы. Ему отвечали кто недоумённым, кто возмущённым взглядом. Дальше, дальше... другие лица, другие шляпы, серые, чёрные, синие, он обгонял, он оборачивался, он пристально вглядывался.

Людвиг (*a parte*). Я сошёл с ума. Это невозможно. Просто случайное сходство, какое-то дьявольское, проклятое сходство, нелепая игра больного воображения... Он в Германии, в Берлине... Я ошибся... Наверняка ошибся.

Людвиг заставил себя остановиться и сесть на скамейку. С удивлением обнаружил, что сигарета, которую собирался закурить на площади, всё ещё во рту. Она оказалась насквозь мокрой. Бросил в урну, дрожащими руками вытащил пачку, но в пачке уже было пусто. С раздражением скомкал её, швырнул вслед за вымокшей сигаретой, уткнулся лицом в ладони. В памяти серыми, резкими тенями проносились кадры фильма, ключья воспоминаний... (Затемнение.)

К а р т и н а 2.

Берлин. – 1934 год. – Помещение гестапо.

Кровь. Комната с голыми стенами без окон; яркие электрические лампочки без абажуров; в красных пятнах стол с пристяжными ремнями. Ночная ясность возбуждённого мозга, десятками раз вздыбленного, вырванного из обморока удушающими погружениями головы в ведро с водой; почки, совершенно отбитые и уже не чувствующие боли; полное отчаяния лицо Сибиллы. Несколько палачей в мундирах держат её.

Хааке (*с вкрадчивой улыбкой наклонившись к Людвигу*). Это только начало. Сущие пустяки. Если не ошибаюсь, ваши ногти пока ещё целы. (*Людвиг молчал.*) Так куда бежали ваши еврейские друзья, господин доктор? Кто будет помогать им в пути? Не угодно ли вам назвать имена? (*Видя, что Людвиг в состоянии полузабытья, как заботливый врач, приподнял у него веки, осмотрел зрачок одного глаза, затем другого.*)

Хааке (*гестаповцам*). Пожалуйста, освежите нашего доктора.

Осторожно отступил назад, чтобы не замочить свой безукоризненно выутюженный мундир. Людвиг несколько раз макают в ведро с водой; пока он не пришёл в себя.

Хааке. Продолжим?.. (*Людвиг не ответил.*) Доктор, если вы не признаетесь во всём, фрейлейн Сибилла будет отправлена в женский концентрационный лагерь. Вам рассказать, что с ней там произойдёт?

Людвиг. Она ничего не может знать. Я лишь едва знаком с ней...

Хааке (*улыбается*). Доктор-доктор, ведь вы уже мало-мальски имеете представление, что её ожидает здесь до отправки в концлагерь.

Людвиг. Всё, что я сказал, это правда. Фрейлейн Сибилла ничего не может знать.

Хааке (*сдавленно похихикивая, подошёл к Сибилле; рассматривает её, словно скульптуру*). Да-а. Изящная статуэтка. Балованное красивое существо, привыкшее к рассеянной, лёгкой жизни. Неужели не жалко, доктор? (*Берёт её руку. Сибилла попыталась вырваться, но её крепко держали под локти. Хааке, сжав одной рукой запястье девушки, другой, как ласкают кошку, стал тискать и гладить её кисть.*) Какая нежная кожа. Какие тонкие и изящные пальцы. Какая неповторимая форма ногтей! (*Счастливо засмеявшись, он развернулся в пол-оборота к Людвигу, продолжая непрерывно свой зловецкий массаж.*) Неужели не жалко?!

Людвиг. Я сказал правду.

Хааке (*гестаповцам*). Продолжим. (*Когда двое палачей снова схватили Людвига, Сибилла со всей яростью вонзила свои точёные коготки в белую мясистую лапу Хааке. Он по-собачьи визгнул и отпрянул от девушки.*) Ах, ты-ы!.. (*Заметался, стал дуть на свои ранки, затем, прижав платок, вновь начал метаться, пока не наткнулся на стол, к которому молодчики пристёгивали Людвига.*) Нет-нет!.. Теперь её!

Затемнение... Ужасающие, леденящие кровь вопли Сибиллы.

ОСМОТР В «ОЗИРИСЕ».

Небольшая комната на втором этаже «Озириса». Эту комнату хозяйка борделя специально отвела для осмотров.

Меблировка её состояла из ширмы, обтянутой тонированным пергаментом, кожаной кушетки, одного стула для доктора и тумбочки, на которую Роланда поставила перед Людвигом бутылку бренди и рюмку. У Роланды была плотная фигура, ясное лицо и спокойные чёрные глаза. Чёрное пуританское платье выдавало в ней распорядительницу и выделяло её среди полуголых девиц. Процедура осмотра длилась уже около часа, и её подношение показалось Людвигу весьма своевременным.

Людвиг (*рыжеволосой девушке, лежащей на кушетке за ширмой*). У тебя всё в порядке.

Леони (*сладко зевнула, почесалась, лениво поднялась с кушетки, неторопливо оправила кружевную комбинацию*). Знаете, чего я никак не пойму?

Людвиг. Чего?

Леони. Как после всех этих дел у вас ещё хватает охоты спать с женщиной?

Людвиг. Этого я и сам не понимаю... Кто следующий?

Леони. Ивонна.

Людвиг. Пришли её, Леони.

Пока она не спеша застёгивала пряжечки на туфлях, Людвиг решил вытить. Он подошёл к Роланде, терпеливо ожидающей его у тумбочки.

Роланда (*в полголоса, чтобы не услышала Леони, выходящая из смотровой*). Мне кажется, Марта не в порядке. Я ещё вчера не разрешила ей работать. Она, конечно, не признаётся. Но бельё...

Людвиг (*наливая себе*). Хорошо. Посмотрю её повнимательнее.

Выпил. Как только появилась Ивонна, Роланда сразу же ушла.

Ивонна была мясистой двадцатипятилетней блондинкой с широким носом и короткими толстыми руками и ногами. Самодовольно покачивая бёдрами, она вошла в комнату и приподняла шёлковое платье.

Людвиг (*указывая на кушетку*). Туда.

Ивонна. А так нельзя? (*Заходит за ширму.*)

Людвиг (*недоумённо*). Зачем так?

Ивонна вместо ответа молча повернулась и показала свой могучий зад. Он был весь в синих кровоподтёках.

Людвиг. Это не шутки. Надеюсь, клиент тебе хорошо заплатил.

Ивонна. Ни одного сантима, доктор. Клиент тут не причём.

Людвиг. Значит, ты сама получаешь от этого удовольствие?

Ивонна (*гордо*). Я не мазохистка.

Людвиг. Так что же это? Поскандалили?

Ивонна. Это любовь.

Людвиг. Должно быть, очень больно?

Ивонна. От этого не бывает больно. (*Осторожно улеглась.*) Знаете, доктор, мадам

Роланда сперва не хотела пускать меня к гостям. «Хотя бы на часок, – сказала я ей. – Попробуем хотя бы часок! Вот увидите!» И теперь у меня такой успех, как никогда.

Людвиг. Почему?

Ивонна. Не знаю. Попадаются типы, которые от этого прямо-таки с ума сходят. Это их возбуждает. За последние три дня я принесла выручки на двести пятьдесят франков больше. Долго ещё будет видно?

Людвиг. По крайней мере, недели две-три.

Ивонна (*прищёлкнув языком*). Если так, удастся справиться новую шубу.

Людвиг. А не хватит, твой друг легко сможет помочь – снова отлупит.

Ивонна. Этого он никогда не станет делать. Он не из таких... Не какая-нибудь расчётливая сволочь, знаете ли. Он делает это только от страсти. Когда на него находит. А так ни за что – хоть на коленях проси.

Людвиг. Характер!.. Ты здорова, Ивонна.

Ивонна (*встав с кушетки*). Тогда я пошла, внизу меня уже поджидает один старик с седой бородёнкой. Показала ему рубцы, чуть не взбесился. (*Она звонко расхохоталась.*) Небось, спит и видит, как бы излупить свою старуху. (*Направилась к двери.*)

Людвиг. Ещё остался кто-нибудь?

Ивонна (*продолжая похихатывать*). Марта. Она последняя... (*Внезапно самодовольное лицо её стало серьёзным, в глазах появилось выражение злой задумчивости.*) Доктор, до чего же смешны люди, правда?

Людвиг, озадаченный внезапной переменой в настроении Ивонны, не нашёлся что ответить; Ивонна уходит.

Вошла Марта, бледная, изящная блондинка. У неё было лицо ангела с картины Боттичелли, но изъяснялась она на жаргоне улицы Блондель.

Марта. Я совсем здорова, доктор.

Людвиг. Отлично, сейчас посмотрим. (*Марта ложится на кушетку.*)

Марта. Но я, ей богу, здорова.

Людвиг. Тем лучше.

Внимательно осматривает. Внезапно в комнате появилась Роланда.

Марта. Да ведь ничего нет, доктор. Вы же знаете, как я осторожна.

Людвиг. Ты больна, Марта.

Марта. Что? Не может этого быть! Неправда это!

Людвиг. Это правда.

Марта (*посмотрела на него и внезапно разразилась потоком брани*). Вот сволочь проклятая! Я сразу ему не поверила... Гадина холёная! Я, мол, студент, я здоров... кому, мол, как не мне, знать... учится на медицинском... Кобель паршивый!

Роланда. А ты куда смотрела?

Марта. Да смотрела я... Но всё случилось так быстро, а он заладил своё – студент да студент... Сколько это продлится, доктор?

Людвиг. Шесть недель.

Марта. Полтора месяца без заработка! А там, быть может, и больница? Меня отправят в больницу?

Людвиг. Посмотрим. Если ты обещаешь, возможно, потом будем лечить тебя на дому.

Марта. Всё обещаю! Только не в больницу!

Людвиг. Лечь в больницу всё же придётся. Иначе нельзя... Все расходы оплатит мадам.

Марта. А я! Я-то! Шесть недель без заработка. Я только что купила в рассрочку чёрнобурую лису. Пропущу срок очередного взноса, и всё пропало. (*Она расплакалась.*)

Роланда. Пойдём, Марта. *(Ласково похлопала её по спине.)*

Марта *(заголосила).* Вы не возьмёте меня обратно! Я знаю! *(Встала; поправляет свою роскошную кружевную рубашку и рыдает.)* Потом... потом вы не возьмёте меня обратно!.. Никогда, ни за что!.. Значит, на улицу... И всё...и всё...из-за этого... гладкого кобеля...

Роланда. Мы возьмём тебя обратно. Ты приносишь хороший доход. Мужчины тебя любят.

Марта. Правда?

Роланда. Конечно. А теперь пойдём. *(Марта и Роланда вышли; Людвиг устало наполнил свою рюмку.)*

Людвиг *(a parte).* Марту обратно не возьмут. Мадам слишком осторожна. Следующий этап в жизни Марты, вероятно, какой-нибудь дешёвый публичный дом на улице Блондель. А потом просто улица. Потом кокаин, снова больница, торговля цветами или сигаретами. Или, если повезёт, – сутенёр, который будет её избивать, оберёт до нитки, пока, наконец, не вышвырнет вон.

Людвиг тяжело вздохнул, залпом выпил, откинувшись на спинку стула. Немного посидел в таком положении, пока не заметил, что он ещё в перчатках. С раздражением содрал их с рук и с размаху швырнул в урну, почти доверху заполненную марлевыми тампонами. Вновь вошла Роланда.

Роланда. Ну, вот и всё. *(Кладёт на тумбочку деньги за осмотр и ставит вторую рюмку. Людвиг налил. Она удержала его руку, когда рюмка наполнилась наполовину.)* Хватит! Больше не хочу.

Людвиг. Ненавижу недолитые рюмки. Уж лучше не допить.

Роланда. Это было бы расточительством.

Людвиг *(усмехнулся).* Расточительство! Французы вечно боятся его. А кому нужна бережливость? Тебя ведь никто не бережёт.

Роланда. Тут коммерция. Совсем другое дело.

Людвиг *(рассмеялся).* Выпьем за коммерцию! Чем бы оказался мир без морали дельцов? Собираем преступников, идеалистов и бездельников.

Роланда *(задумчиво посмотрела на Людвига).* Тебе нужна девушка... Могу позвать Кики. Она очень хороша. Двадцать один год.

Людвиг. Нет, такие уже не для меня... *(Встал, забрал свой гонорар, допил бренди).*

Благослови тебя бог, Роланда. (Поправил у неё завиток волос возле уха, мягко потрепал за плечо в знак прощания и ушёл.)

Роланда слила свое бренди в бутылку и вышла вслед, прихватив её с собой вместе с рюмками.

«ЗВОН СЕРЕБРЯНЫХ КОЛОКОЛЬЧИКОВ».

Январь 1939 года. – Четыре часа утра. Номер Людвига.

Он проснулся, услышав, как отворилась дверь. Это была Жоан. Она пыталась протиснуться в дверь с огромной охапкой хризантем.

Людвиг *(видел лишь смутный силуэт и крупные белые цветы).* Бог мой, что это такое?

Жоан *(наконец пронесла цветы через дверь и с размаху бросила их на постель).* С тех пор как мы познакомились, я стала получать подарки.

Людвиг. Убери цветы. Я ещё не умер...

Жоан. Нет! *(Порывисто схватила цветы и сбросила на пол.)* Не смей так шутить! Не смей!

Людвиг *(смущённо).* Я не хотел сказать ничего плохого...

Жоан *(её губы дрожали).* Никогда не позволяй себе этого. Даже в шутку. Обещаешь?

Людвиг *(отбросил одеяло и сел на край кровати).* Неужели это действительно так

напугало тебя?

Жоан. Больше чем напугало. Я сама не знаю, что со мной... но для меня это просто невыносимо. Будто чья-то рука тянется из темноты... словно что-то меня подстерегает.

Людвиг (*потянул её за руку и усадил к себе на колени*). Никогда не буду с тобой так шутить. Ты довольна?

Жоан (*кивнула и прижалась к нему*). Защити меня.

Людвиг. Не бойся... Я защищу тебя.

Жоан. Ты ведь всё можешь...

Людвиг (*голосом, полным грустной иронии*). Ещё бы. Могу... конечно же, могу...

Жоан. Я приходила вчера.

Людвиг. Приходила?

Жоан. Да. Тебя не было.

Людвиг. Да.

Жоан. Я знаю, мне не следует спрашивать, где ты был...

Людвиг. Не следует.

Жоан. Где ты был вчера ночью?

Людвиг. Ты, в самом деле, хочешь это знать?

Жоан. Ещё бы!

Людвиг. Я был здесь, и ждал тебя... Решил, что ты уже не придёшь... и ушёл. Вот и всё.

Жоан. А может, ты... просто... не хотел меня видеть?

Людвиг. Нет.

Жоан. Если ты не хочешь меня видеть, скажи, будь откровенен.

Людвиг. Я бы тебе сказал.

Жоан. Значит, не в этом дело?

Людвиг. Нет. Действительно не в этом.

Жоан (*радостно прижалась к нему*). Тогда я счастлива.

Людвиг. Счастье. Где оно начинается и где кончается?

Жоан. Счастье начинается с тобой и с тобой же кончится. Это же так просто.

Людвиг. Чего доброго, ты ещё скажешь, что любишь меня.

Жоан. Я тебя люблю.

Людвиг. Любить – это когда хочешь с кем-то состариться.

Жоан. Об этом я ничего не знаю. А вот когда без человека нельзя жить – это я знаю...

Знаю, ты меня не любишь.

Людвиг. В таком случае, ты знаешь больше меня.

Жоан (*как-то странно взглянула на него*). Ты будешь меня любить.

Людвиг. Откуда ты всё это знаешь?

Жоан. Оттого, что люблю тебя.

Людвиг (*a parte*). Как она обращается с этим словом. Совсем не думая, как с пустым сосудом. Наполняет его, чем придётся, и затем называет любовью. Чем только не наполняли этот сосуд! Страхом одиночества, предвкушением другого «я», чрезмерным чувством собственного достоинства... Но кому удалось постичь самую суть? Разве то, что я сказал о старости вдвоём, не величайшая глупость? И разве при всей своей бездумности она не ближе к истине, чем я? Зачем я сижу здесь зимней ночью, в антракте между двумя войнами, и сыплю прописными истинами, точно школьный наставник? Зачем сопротивляюсь, вместо того чтобы очертя голову ринуться в омут, – пусть ни во что и не веря?

Жоан. Почему ты сопротивляешься?

Людвиг (*удивлённо*). Что ты сказала?

Жоан. Почему ты сопротивляешься?

Людвиг (*смущенно*). Я не сопротивляюсь...

Жоан. Не знаю. Что-то в тебе закрыто наглухо, никого и ничего ты не хочешь впустить. Я

счастлива и хочу, чтобы ты тоже был счастлив. Ты, и только ты у меня в мыслях, когда я просыпаюсь и когда засыпаю. Я думаю о нас обоих, и в голове у меня словно серебряные колокольчики звенят...

Людвиг (*a parte*). Легко же тебе даётся счастье.

Людвиг. Когда в последний раз у тебя в голове звенели серебряные колокольчики?

Жоан (*лукаво улыбнулась ему*). Это было два года назад, в Милане... и продолжалось недолго... Он был очень ревнив... и ничего не понимал. Называл меня проституткой, предательницей, неблагодарной. И всё это была неправда. Я не изменяла ему, пока любила. А он не понимал, что я его больше не люблю.

Людвиг. Этого никто никогда не понимает.

Жоан. Нет, ты бы понял. Но тебя я буду любить всегда. Ты другой, и всё у нас с тобой по-другому. (*Вдруг она рассмеялась*.) Он хотел меня убить. В таком положении они всегда грозятся убить. Но никто никогда этого не делает. А вот ты никогда не захочешь меня убить.

Людвиг. Разве что с помощью кальвадоса. Дай-ка бутылку. (*Жоан оглянулась, разыскивая её местонахождение*.) На столе.

Жоан (*принесла бутылку и рюмку... налила и протянула ему*). Ты будешь меня любить.

Людвиг. Буду. Выпьем за любовь.

Жоан. погоди! (*Перехватила у него рюмку и выпила; затем снова налила и протянула ему*.)

Людвиг. Салют. (*Он выпил медленно, не отрывая взгляда от Жоан*.) Тебя когда-нибудь бросал человек, которого ты любила?

Жоан. Да.

Людвиг. И что же ты делала?

Жоан. Всё. (*Она взяла у него рюмку и допила остаток*.) Всё! Но ничто не помогало. Я была невероятно несчастна.

Людвиг. И долго?

Жоан. С неделю.

Людвиг. Не так уж долго.

Жоан. Это целая вечность, если ты по-настоящему несчастен! Я была настолько несчастна – вся, полностью, – что через неделю моё горе иссякло. Несчастливы были мои волосы, моё тело, моя кровать, даже мои платья. Я была до того полна горя, что весь мир перестал для меня существовать. А когда ничего больше не существует, несчастье перестаёт быть несчастьем. Ведь нет ничего, с чем можно его сравнить. И остаётся одна опустошённость. (*Она поцеловала его руку*.) Ты не бросишь меня. Впрочем...это только слова... О чём ты думаешь?

Людвиг. Так, ни о чём особенном. Думаю, например, о том, что ты невинна душой, как дикарка. Испорчена до мозга костей и ничуть не испорчена. Это очень опасно для других.

Жоан. Мне самой угрожает опасность, но я не опасна.

Людвиг (*забрал бутылку, которую Жоан держала у себя на коленях, налил до краёв свою рюмку*). С тобой никогда...ничего...не случится. Салют! (*Выпил*.)

Жоан. Ты смеёшься надо мной. Я это знаю, но мне всё равно. Я чувствую, что снова живу, и чувствую это всем своим существом... Я дышу не так, как дышала, мой сон уже не тот, что прежде, мои пальцы снова стали чуткими, и руки мои не пусты, и мне безразлично, что ты обо всём этом думаешь и что скажешь... И я счастлива... пусть даже ты будешь смеяться и издеваться надо мной.

Людвиг (*a parte*). Странная ночь. Где-то сейчас стреляют, где-то преследуют людей, бросают в тюрьмы, мучают, убивают, где-то растаптывают кусок мирной жизни, а ты сидишь в этой комнате с женщиной, между бледными хризантемами и бутылкой кальвадоса, знаешь обо всём и не в силах что-либо сделать...

Людвиг. Жоан. Как хорошо, что ты здесь. (*Он взял её за руки*.) Понимаешь ли ты, что это

значит?

Жоан (*её глаза вдруг наполнились слезами*). Ничего это не значит. Ровно ничего. Ты должен любить меня, любимый, вот и всё... Ты должен меня любить. Иначе я пропала.

Людвиг (*a parte*). Как легко она это говорит! Кто действительно пропал, тот молчит. Люди любят друг друга, и в этом – всё! Это и самое невероятное, и самое простое на свете.

С улицы донёсся лающий гудок такси. На полу бледно мерцали хризантемы.

ПРИЗРАКИ.

Картина 1.

Февраль. – Монмартр. Перед рестораном «Фуке» на тротуаре стояли круглые жаровни, стулья и столики. За одним из них сидел Морозов и читал газеты.

Морозов (*завидев идущего по улице Людвига, помахал ему рукой*). Садись, выпьем. (*Людвиг подсел к нему.*) Мы слишком много торчим в комнатах. Как по-твоему?

Людвиг. Про тебя этого не скажешь. Ты вечно торчишь на улице перед «Шехерезадой».

Морозов. Оставь свою жалкую логику, мальчик. По вечерам я представляю собой своего рода двуногую дверь в «Шехерезаду», но никак не человека на лоне природы. Повторяю: мы слишком много времени торчим в комнатах. Слишком много живём и отчаиваемся взаперти. А на лоне природы разве можно впасть в отчаяние?

Людвиг. Ещё как!

Морозов. Опять-таки потому, что мы очень привыкли к комнатам. А сольёшься с природой – никогда не станешь отчаиваться. Не возражай! Замечу кстати, мы и пьём слишком много в комнатах.

Людвиг. И мочимся слишком много...

Морозов. Убирайся к чёрту со своей иронией. Факты бытия просты и тривиальны. Лишь наша фантазия способна их оживить. Она превращает факты, эти шесты с верёвками для сушки белья, во флаштоки, на которых развеваются полинялые знамена наших грёз.

Людвиг. Старый, чёрствый циник, обуреваемый мечтами.

Морозов. Жалкий романтик, лишённый иллюзий и временно именуемый в этой короткой жизни Равик.

Людвиг. Под именем Равик я живу уже свою третью жизнь.

Морозов. Полюбуйся. (*Он высоко поднял газеты и потряс ими.*) Они строят военные заводы и утверждают, что хотят мира. Они строят концлагеря, а выдают себя за поборников правды... Политические гангстеры прикидываются благодетелями человечества, свобода стала крикливым лозунгом властолюбцев... Фальшивая духовная монета! Лживая пропаганда! Гордые идеалы в руках подонков. (*Он скомкал газеты и швырнул на мостовую.*)

Людвиг. Мы и газет слишком много читаем в комнатах.

Морозов (*рассмеялся*). Совершенно верно! А на лоне природы они ни к чему. Разве что костры разжигать...

Людвиг внезапно вскочил с места, нырнул в толпу перед кафе и стал пробираться к авеню Георга Пятого... Морозов опешил. Затем выхватил из кармана деньги, бросил их на столик и кинулся вслед за» ним.

Картина 2.

Лишь добравшись до авеню Георга V, Морозов снова увидел Людвига. Тот

стоял на краю тротуара, подавшись вперёд, и, не отрываясь, глядел куда-то через улицу.

Морозов. Что такое? Полиция?

Людвиг. Нет.

Морозов. Так что же случилось?..

Людвиг. Хааке...

Морозов. Что-о? Как он выглядит?.. Да говори же!

Людвиг. Серое пальто!..

Морозов. Ушёл?

Людвиг (*покачал головой*). Очевидно, мне всё время чуждыся призраки.

Морозов. Мало ли на свете людей, похожих друг на друга.

Людвиг. Есть лица, которые никогда не забываются.

Морозов. Что ты намерен делать?

Людвиг. Не знаю.

Он сел на скамью под большим тополем, устало привалился к спинке.

Морозов. Послушай. (*Уселся рядом.*) Как бы ты поступил, если бы он сейчас появился вон там, на углу? Бросился бы на него?

Людвиг. Не знаю, Борис. Право, не знаю.

Морозов. Подумай. Лучше решить всё заранее. Иначе растеряешься и натворишь глупостей. Ты ведь без оружия?

Людвиг. Без оружия.

Морозов. Кинешься на него очертя голову – тут же разнимут. Тебя потащат в полицию, а он отделается синяками и лёгким испугом. Понимаешь?

Людвиг. Понимаю.

Морозов. Если это в самом деле Хааке и если он попадётся тебе, надо действовать с железной уверенностью... Ведь это будет твой единственный шанс.

Людвиг. Знаю.

Морозов. Больше того, сейчас с ним скорее можно встретиться не здесь, а в ночном клубе или в борделе.

Людвиг. Знаю, Борис.

Морозов (*положил свою огромную волосатую руку на плечо Людвигу*). Вообще же советую вести себя так, будто ты обознался. Иначе только изведёшь себя. Лет двадцать назад я сам это испытал. Каждую секунду мне казалось, будто я вижу одного из тех, кто убил моего отца. Галлюцинации. Проклятые галлюцинации!.. Ладно. Надо идти – распахивать двери перед сливками общества...

Людвиг. Ступай один, Борис. Я приду позже.

Морозов. Только сейчас мне пришло в голову, что ты не был у нас в «Шехерезаде» с тех пор, как направил ко мне ту самую женщину. Жоан Маду. Думается, тут не простое совпадение.

Людвиг. Ну как она, освоилась?

Морозов. Сначала пела в хоре. А теперь у неё маленький сольный номер... Я тебе вот что скажу, Равик: будем подороже, если только можем и пока можем. Доброта придаёт человеку силы, если ему трудно живётся... Не надо отказываться от неё.

Людвиг. Ладно.

Прощальное рукопожатие. Людвиг проводил глазами громадную фигуру Морозова, удаляющуюся в направлении Монмартра.

У МОРЯ.

Французская Ривьера. Антиб. – Волна с шумом билась о скалы у мостков

причала. Взметнулся каскад брызг, и ветер принёс облачко сверкающей водяной пыли. Свет. Снова и снова свет. Белой пеной он прилетел с горизонта, где глубокая синева моря сливалась с лёгкой голубизной неба.

Людвиг (*сидя на огромном валуне и заморожено глядя на Жоан, которая, казалось, вот-вот оттолкнётся от края скалы, где она стояла, взлетит и будет невесомо парить, слившись воедино с этой бездыханной голубизной света; a parte*). Как свет сияет над её головой. Точно бесцветный нимб! Точно даль без перспективы... Молоко земли Ханаанской, шёлк, сотканный из лучей. В этом свете никто не наг. Кожа ловит его и отбрасывает, как утёс морскую волну.

Жоан. Сколько мы уже здесь живём?

Людвиг. Восемь дней.

Жоан. Они словно восемь лет, тебе не кажется?

Людвиг. Нет. Словно восемь часов и три тысячи лет. На том месте, где ты стоишь, три тысячи лет назад точно так же стояла молодая этрусская женщина. А из Африки точно так же дул ветер и гнал перед собой свет через море.

Жоан (*примостилась около него*). Когда мы вернёмся в Париж?

Людвиг. Это выяснится сегодня вечером в казино.

Жоан. Мы выиграли?

Людвиг. Недостаточно.

Жоан. Ты играешь так, будто играл всю жизнь. Может быть, так оно и есть? Я ведь ничего о тебе не знаю.

Людвиг. Ты уже загорела? Тебе это идёт.

Жоан. Значит, мне надо всегда здесь жить.

Людвиг. А ты хотела бы?

Жоан. Нет. Но я хотела бы всегда жить так, как живу сейчас. Я знаю, любимый, это легкомысленно, но, боже мой, в нашей проклятой жизни было так мало легкомыслия! Война, голод – всего было вдоволь. А перевороты, а инфляция... Но уверенности, беззаботности, покоя и свободного времени у нас не было никогда. А теперь ты говоришь, что снова надвигается война. Господи, ведь у нас только одна жизнь, она коротка, быстротечна... Наверно, я пустая женщина, Равик? Живу в историческую эпоху, а меня это нисколько не трогает. Я хочу счастья, хочу, чтобы жизнь не была такой трудной и мучительной. Больше ничего.

Людвиг. А кто этого не хочет, Жоан?

Жоан. Ты тоже хочешь?

Людвиг. Конечно.

Жоан. Как бы мне хотелось всегда так жить. Вместе с тобой.

Людвиг. Мы и так живём – во всяком случае, сейчас.

Жоан. Да, сейчас... а через несколько дней – снова Париж, ночной клуб, где вечно одно и то же, опостылевшая жизнь в грязном отеле...

Людвиг. Ты преувеличиваешь. Твой отель не так уж и грязен.

Жоан. Наш обер-кельнер Рене говорит, что... как хирург ты мог бы зарабатывать кучу денег.

Людвиг (*иронично*). Рене, видимо, в курсе дела.

Жоан (*невозмутимо продолжая фразу*). Профессор Дюран...

Людвиг (*рассмеялся, и его смех озадачил Жоан*). Ты его знаешь?

Жоан (*без прежней бойкости в голосе*). Он бывает в «Шехерезаде»... Рене говорит, что меньше чем за десять тысяч Дюран и пальцем не шевельнёт...

Людвиг (*a parte*). Удивительно. Она мелет страшную чушь, какую на протяжении веков до неё мололи все женщины. Но лицо её от этого ничуть не меняется. Пожалуй, оно становится ещё прекраснее... Амазонка с глазами цвета морской волны, наделённая инстинктом наседки и проповедующая банкирские идеалы...

Жоан. У него шикарный дом. У него «паккард»...

Людвиг. Жоан. Ведь мы не созданы для такой жизни.

Жоан. Неправда, я создана.

Людвиг. Нет, Жоан. Ты – ещё меньше, чем я. Но главное не в этом. Есть и другая причина.

Жоан. Я знаю.

Людвиг. Нет. Не знаешь. Но я скажу тебе. Пусть будет всё ясно. Так лучше... Я живу во Франции нелегально. У меня нет документов. Вот почему я никогда не смогу снять квартиру, никогда не смогу жениться, если полюблю. Я даже не имею права работать. Разве что тайком. Я никогда не смогу жить иначе, чем теперь.

Жоан (*смотрела на него широко раскрытыми глазами*). Это правда?

Людвиг. Тысячи людей живут примерно так же... Я лишь один из тысяч. Человек без будущего, как говорит Морозов... В сущности, мне не так уж плохо. Я работаю, живу, у меня есть ты... Всё остальное несущественно.

Жоан. А полиция?

Людвиг. Если я случайно попадусь, меня вышлют. Только и всего.

Жоан. Вышлют... Из Франции... И ты не будешь со мною.

Людвиг. Очень недолго.

Жоан. Тебя не будет... Не будет! А мне что тогда делать?

Людвиг (*увидев на пенистом гребне волны моторную лодку*). Вон едут твои друзья.

Жоан. Почему мои? Скорее твои. С тобой они раньше познакомились.

Людвиг. На десять минут.

Жоан. Во всяком случае, раньше.

Людвиг (*рассмеялся*). Пусть будет по-твоему.

Жоан. А я к ним не пойду. Ни за что. Не пойду, и всё.

Людвиг. Конечно, не пойдешь. (*Он вытянулся и закрыл глаза*.)

Жоан (*немного помолчав*). Мы не слишком учтивы.

Людвиг. Влюблённые никогда не отличаются учтивостью.

Жоан (*помолчав ещё немного*). Ведь они приехали специально за нами...

Людвиг (*слегка приоткрыв глаза*). Хорошо. Пойди к ним и объясни, что мне надо работать. А сама поезжай.

Жоан. Почему бы тебе не поехать с нами? Ты им очень понравился...

Людвиг. О господи! Почему все женщины любят эти идиотские разговоры? Тебе хочется покататься, у меня нет моторной лодки, жизнь коротка, нам осталось пробыть здесь несколько дней, так неужели я должен разыгрывать великодушие и заставлять тебя делать то, что ты всё равно сделаешь?..

Жоан (*скривив губы в лёгкой гримасе, встала, спустилась с валуна*). С тобой очень трудно жить.

Она сошла вниз, к лодочной пристани, и всё необъятное небо опустилось на её красивые плечи.

Людвиг (*a parte*). Я идиот, что не поехал с ней. Но подобная роль пока ещё не по мне. Во мне ещё сидит эта дурацкая гордость давно прошедших эпох... Как просвечивает солнце сквозь веки! Какое оно красное!.. Сказочное счастье – лежать и ни о чём не думать.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Затемнение... Звучат крики: «Врача! Врача!» **Голос Людвиг:** «Что случилось?» **Мужской голос:** «Врача! Скорее!»

Голос Людвиг. Да что случилось?

Мужчина. Женщина...

Людвиг. Какая женщина?

Мужчина. Её ушибло упавшей балкой!.. Истекает кровью!..

Людвиг. Не поднимайте! Пусть лежит.

Мужчина. Вы кто? Врач?

Людвиг. Да.

Мужчина. Отлично.

Людвиг. Подержите... Не волнуйся, мать, всё будет в порядке...Кто-нибудь вызвал «Скорую помощь»?

Голос другого мужчины. Вызвали... Полицейский позвонил.

Людвиг. Полицейский? Где он?

Другой мужчина. Там... Возле убитого рабочего...

Людвиг. Ну, тогда всё в порядке... Я перевязал артерию. Остаётся дожидаться «Скорой помощи».

Голос полицейского. Одну секунду, мсье! Я должен записать вашу фамилию. Вы ведь свидетель.

Людвиг. Я не видел, как случилось несчастье. Пришёл позднее.

Полицейский. Всё равно я должен всё записать. Это очень тяжёлый случай, мсье.

Людвиг. Вижу...

ВЫСЫЛКА.

Людвиг провёл в тюрьме две недели. Через две недели за ним пришли и под конвоем полицейского сопроводили к начальнику эмиграционной службы. Ходатайство Вебера не уберегло его от высылки, но всё же помогло избежать дотошного разбирательства, которое могло растянуться на неопределённо долгое время.

Уже через час после начала допроса Людвиг со своим конвоиром возвращались назад в тюрьму. Они дошли до ближайшего бистро. На тротуаре стояли столики. Было прохладно, хотя светило солнце. Оплатив полицейскому выпивку и присовокупив двадцатифранковую купюру, Людвигу удалось добиться разрешения позвонить Жоан. Он прошёл в бистро, отыскал телефон и набрал номер.

Людвиг. Жоан...

Жоан. Равик!.. Боже мой! Где ты?.. Тебя выпустили? Скажи, где ты находишься?..

Людвиг. Я в бистро...

Жоан. Оставь свои шутки. Скажи правду, где ты?

Людвиг. Я нахожусь в бистро.

Жоан. Значит, ты не в тюрьме? Где ты пропадал? Твой Морозов... даже не сказал мне, куда тебя отправили.

Людвиг. Потому и не сказал. Так лучше.

Жоан. Почему ты звонишь из бистро? Почему не приехал ко мне?

Людвиг. Я не мог. Еле уговорил полицейского забежать сюда на минутку. Жоан, не сегодня-завтра меня доставят к швейцарской границе и... *(Он посмотрел в окно на своего конвоира, тот посасывал «Амер Пикон» и не спускал с него глаз.)* Я сразу же вернусь оттуда... Жоан...

Жоан. Я еду к тебе. Немедленно. Скажи только – где ты?

Людвиг. Не успеешь. До меня полчаса езды. А остались считанные минуты.

Жоан. Задержи полицейского! Дай ему денег! Я привезу с собой деньги!

Людвиг. Нет, Жоан... Не надо... Так проще. Так лучше.

Жоан. Ты не хочешь меня видеть?

Людвиг *(a parte).* Это невыносимо. Не следовало звонить. Разве можно что-нибудь объяснить, когда не смотришь друг другу в глаза?

Людвиг. Я ничего так не хочу, как увидеть тебя, Жоан.

Жоан. Тогда приезжай! Приезжай вместе с полицейским!

Людвиг. Это невозможно. Скажи лучше, что ты сейчас делаешь?

Жоан. О чём ты спрашиваешь?

Людвиг. Я разбудил тебя? Как ты одета?

Жоан. Я ещё в постели. Очень поздно вернулась домой...

Людвиг (*a parte*). Поздно вернулась домой... Понятно! Всё идёт своим чередом, даже когда тебя сажают в тюрьму. Как скоро всё забывается.

Людвиг. Мне пора, Жоан.

Жоан (*срывающимся голосом*). Но ведь это невозможно! Ты не можешь уйти просто так, и я совсем не буду знать, где ты и что с тобой...

Людвиг. Не на войну же я отправляюсь. Я должен съездить в Швейцарию и скоро вернуться. Вообрази, будто я деловой человек и хочу продать Лиге наций крупную партию пулемётов.

Жоан. Когда ты вернёшься, всё начнётся сначала. Я умру от страха.

Людвиг. Повтори ещё раз, что ты сказала.

Жоан. Да, умру!.. Обо всём я узнаю последней. Вебер может тебя посещать – я не могу. Морозову ты звонил – мне нет. А теперь ты и вовсе уходишь...

Людвиг. Боже мой. Не будем ссориться, Жоан.

Жоан. Я и не думаю ссориться. Я лишь говорю то, что есть.

Людвиг. Ладно. Мне пора... До свидания, Жоан.

Жоан. Равик! Равик!

Людвиг. Что, Жоан?

Жоан. Возвращайся! Я погибну без тебя!

Людвиг. Я вернусь.

Жоан. Обещай... Обещай мне...

Людвиг. До свидания, Жоан. Я скоро вернусь. (*Повесил трубку.*)

Людвиг (*a parte*). Не надо было звонить. До этого я был спокоен. А теперь всё во мне перевернулось. (*Он вышел на улицу.*)

Полицейский. Поговорили?

Людвиг. Да.

Полицейский. Пожалуй, нам пора идти.

Людвиг. Пошли...

Он пошел вперёд вдоль улицы. Его конвоир поспешил за ним.

СНОВА В ПАРИЖЕ.

Последние дни апреля 1939 года. – Морозов сидел в «пальмовом зале отеля «Энтернасьональ». Перед ним стоял графин вина.

Борис пребывал в задумчиво-блаженном состоянии и потому совершенно не обратил внимания на вошедшего Людвиг.

Людвиг. Здорово, старина. Кажется, я попал как нельзя более кстати. Это «вуврэ»?

Морозов (*как ни в чём не бывало, будто и не было трёх долгих месяцев разлуки с другом*).

Оно самое. Урожай тридцать четвёртого года. Сладкое и густое. (*Умолк, всматривается в лицо Людвиг, усевшегося напротив.*) Хорошо, что ты вернулся (*голос дрогнул, в глазах появился предательский блеск слез*)... Сколько ты отсутствовал. Месяца три?

Людвиг. Да... На этот раз дольше, чем обычно.

Морозов. Как тебя теперь зовут?

Людвиг. Не знаю почему, но фамилия Равик мне особенно нравится.

Морозов. Ясно... Можешь опять остановиться здесь. Твоя комната свободна.

Людвиг. Хозяйка знает?

Морозов. Никто ни о чём не знает. Я сказал, что ты уехал в Руан. Твои вещи у меня в

комнате. *(Появилась официантка с подносом.)* Кларисса, принесите рюмку для мсье Равика.

Кларисса *(сверкнув белозубой улыбкой)*. Ах, это вы, мсье Равик! Я не видела вас больше полугода...

Людвиг. Всего каких-нибудь три месяца, Кларисса.

Кларисса. Не может быть! А я-то думала, полгода. *(Она ушла.)*

Морозов. Тебя тут всё-таки узнают. Ты не почувствовал себя как на родине?

Людвиг. В Швейцарии я однажды оказался совсем близко от немецкой границы. Прямо рукой подать, неподалёку от Базеля. Одна сторона швейцарская, другая – немецкая. Я стоял на швейцарской стороне и ел вишни. А косточки сплёвывал в Германию.

Морозов. И от этого ты почувствовал себя ближе к родине?

Людвиг. Никогда я не был так далёк от неё. *(Подошла Кларисса, поставила на их столик рюмку.)* Благодарю. *(Кларисса, ещё раз ослепив мужчин своей улыбкой, отошла к другому столику.)*

Морозов. Понимаю... *(Разлил вино по рюмкам.)* Как тебе жилось?

Людвиг. Как всегда. Но всё стало гораздо труднее. Охрана границы усилена. Меня поймали один раз в Швейцарии, другой раз во Франции.

Морозов. Почему ты не давал о себе знать?

Людвиг. Зачем подвергать опасности других? Лучше придерживаться старого солдатского правила: залечь и не шевелиться.

Морозов. Что-то ты мне не нравишься.

Людвиг. Простудился – ночь под открытым небом, снег, дождь... Где Жоан?

Морозов. Уже несколько недель я ничего не знаю о ней. Даже не видел её.

Людвиг. В «Шехерезаде» она больше не служит?

Морозов. Вот уже пять недель...

Людвиг. Тебе известно, что она сейчас делает?

Морозов. По-моему, снимается в каком-то фильме. Во всяком случае, так она сказала гардеробщице. В общем, сам понимаешь. Оправдание всегда найдётся. Был бы предлог.

Людвиг. Предлог?

Морозов *(угрюмо)*. А что же ещё, Равик? Ты ждал другого?

Людвиг. Признаться, ждал.

Морозов. Сначала она спрашивала о тебе. Потом перестала.

Людвиг. Странно, как всё меняется в твоё отсутствие.

Морозов. Но потом принимает прежний вид.

Людвиг. Иной раз да... Иной раз нет.

Морозов. Сыграем в шахматы?

Людвиг. Нет. Надо отдохнуть. Несколько ночей не спал. Салют. *(Не отрывая локтя от стола, раскрыл ладонь для рукопожатия.)*

Морозов *(таким же манером стиснул ему руку.)* Салют.

Людвиг допил вино и отправился в номер.

СЮРПРИЗЫ.

Людвиг проснулся и сразу же почувствовал, что Жоан находится в комнате. Было ещё темно, и он не мог её видеть, но знал, что она здесь. Комната стала иной. Окно стало иным, воздух стал иным, и он стал иным.

Людвиг. Перестань дурачиться! Включи свет и подойди ко мне. *(Она не пошевелилась, он даже не слышал её дыхания.)* Жоан. Не будем играть в прятки.

Жоан. Ты знал, что я приду?

Людвиг. Не мог я этого знать.

Жоан. Я думала, ты ещё не вернулся... Думала, сидишь где-нибудь и пьёшь.

Людвиг. Я тоже думал, что так будет. Но вместо этого я играл в шахматы.

Жоан. Что ты делал?

Людвиг. Играл в шахматы. С Морозовым. Внизу, в комнате, похожей на аквариум без воды.

Жоан. Шахматы! Как же так?.. Разве можно играть в шахматы, когда?..

Людвиг. Я бы и сам в это не поверил, но, оказывается, можно.

Жоан. Ты самый холодный, самый бессердечный...

Людвиг. Жоан, не устраивай глупых сцен. Я люблю театр, но сейчас мне не до него.

Жоан. Я и не думаю устраивать тебе сцен. Я безумно несчастна.

Людвиг. Не будем говорить об этом. Сцены уместны, когда люди не очень несчастны. Я был знаком с одним человеком, который сразу после смерти жены заперся у себя в комнате и просидел там до самых похорон, решая шахматные задачи...

Жоан. Значит, поэтому ты и играл в шахматы, Равик?

Людвиг. Я же рассказал тебе о другом человеке. А я спал, когда ты пришла.

Жоан. Да, ты спал! Ты ещё можешь спать!

Людвиг. Я знал и другого человека. Потеряв жену, он лёг спать и проспал двое суток. *(Раздался грохот и звон: Жоан схватила вазу и швырнула её на пол.)* Спасибо. Я терпеть не мог этой штуки. Смотри, не поранься.

Жоан *(расцвириывая осколки ногой)*. Зачем ты говоришь мне всё это?!

Людвиг. Вероятно, подбадриваю самого себя. Тебе не кажется?

Жоан. Похоже, что так. Но у тебя никак не поймёшь, когда ты серьёзен, а когда шутишь. *(Осторожно пройдя по усеянному осколками полу, Жоан села на кровать.)* Когда я увидела тебя, Равик... так неожиданно... я ни о чём другом не могла думать. Просто не могла. А когда ты ушёл – испугалась, что никогда больше не увижу тебя... Почему ты не вернулся?

Людвиг. А к чему было возвращаться?

Жоан. Я пошла бы с тобой...

Людвиг *(a parte)*. Что же это такое? Неужели я снова теряю самообладание, снова погружаюсь во мрак и попадаю во власть воображения?

Жоан. Мне казалось, ты хочешь уйти от меня. Да ты и хотел! Скажи правду. *(Людвиг промолчал.)* Я это знала! Знала! *(Он продолжал молчать. Она положила руку ему на грудь и склонилась над ним, пытаясь разглядеть в полутьме его глаза.)* Ведь правда хорошо, что я пришла?

Людвиг. Не знаю, Жоан.

Жоан *(склоняясь над ним ещё больше)*. Нет, знаешь. Должен знать.

Людвиг *(a parte)*. Я знаю – есть более прекрасные лица, более умные и чистые, но нет на земле другого лица, которое обладало бы надо мной такой властью. Я сам наделил его этой властью.

Людвиг. Да. Это хорошо. В любом случае хорошо.

Жоан. Ты не смеешь оставлять меня одну.

Людвиг. Разве ты одна?

Жоан. Ты отвечаешь за меня. С нашей первой встречи. Без тебя...

Людвиг *(перебивая)*. Хорошо. Видимо, я отвечаю и за оккупацию Чехословакии... А теперь хватит. Уже рассвело. Тебе скоро идти.

Жоан. Ты не хочешь, чтобы я осталась?

Людвиг. Не хочу.

Жоан *(тихо и неожиданно зло)*. Ах вот как... Так вот что! Ты больше не любишь меня!

Людвиг. Бог мой. С какими идиотами ты провела последние месяцы?

Жоан. А что я, по-твоему, должна была делать? Торчать у себя в номере, глядеть на пустые стены и медленно сходить с ума?

Людвиг. Прошу тебя, не надо исповеди. Мне это неинтересно. Я хочу лишь одного –

чтобы наш разговор был чуточку содержательней.

Жоан (*с недоумением посмотрела на него*). Почему ты ко мне вечно придираешься? Другие этого не делают. У тебя всё вырастает в проблему.

Людвиг. Возможно...

Жоан. Но это действительно так. Ты заставляешь говорить вещи, которые не хочется говорить. А потом сам же набрасываешься на меня.

Людвиг. Жоан. Зачем ты пришла?

Жоан. Зачем ты вечно спрашиваешь? Я здесь. Разве этим не всё сказано?

Людвиг. Да, ты права. Этим сказано всё.

Жоан. Наконец-то! Но сначала ты обязательно отравишь человеку всю радость.

Жоан примостилась на другом конце кровати. Она напоминала разозлённую хорошенькую прачку и одновременно казалась существом, прилетевшим с луны и ничего не понимающим в земных делах.

Людвиг (*a parte*). Разве она не права? Разве она не права, как правы роса, и воробьи, и ветер, и кровь? Зачем спрашивать? Что выяснять? Она здесь, стремительная ночная бабочка, бездумно залетевшая сюда... К чёрту!

Людвиг неожиданно резко сел и спустил ноги с кровати.

Жоан (*изумлённо*). Ты хочешь меня выгнать?

Людвиг. Нет... Целовать. Я уже давно должен был это сделать. Я идиот, Жоан. Я наговорил столько глупостей. Как чудесно, что ты здесь!

Жоан (*отёрла слезы*). Давно уже я не слышала таких слов.

Людвиг. Значит, тебя окружали не люди, а истуканы. Женщин следует либо боготворить, либо оставлять. Всё прочее – ложь. Иди ко мне.

Жоан сбросила туфли и на коленках перебежала по кровати к нему в объятия.

ВОЗМЕЗДИЕ.

Картина 1.

30 августа 1939 года. – Монмартр. Открытая терраса ресторана «Фуке».

Людвиг закрыл глаза. Потом медленно открыл их. Человек по-прежнему сидел на месте.

Кельнер (*Людвигу*). Что прикажете?

Людвиг (*совершенно оцепенев, рефлекторно*). Принесите мне...

Кельнер. Что именно? (*Людвиг не отвечал.*) Я не понял вас, мсье.

Людвиг. Принесите... что-нибудь...

Кельнер. Рюмку перно?

Людвиг. Да...

На этот раз ошибки быть не могло. За столиком у входа сидел Хааке. Он был один. Перед ним стояло серебряное блюдо с лангустами и бутылка шампанского в ведёрке со льдом.

Голос Хааке. Это только начало... Сущие пустяки... Если не ошибаюсь, ваши ногти пока ещё целы... (*Отчаянный вопль Сибиллы.*)

Жоан. Равик...

Он вздрогнул, словно от удара. Рядом стояла Жоан.

Жоан. Равик... Ты не узнаёшь меня?

Людвиг. Да, да... конечно... Как ты сюда попала?

Жоан. Станный вопрос. У «Фуке» бывает весь Париж.

Людвиг. Ты одна?

Жоан. Конечно.

Только теперь Людвиг сообразил, что не предложил ей сесть. Он поднялся и стал так, чтобы не упустить из виду столик Хааке.

Людвиг. Жоан, у меня здесь дело. Оставь меня, уходи.

Жоан. Я подожду. *(Она присела за его столик.)* Хочу посмотреть, как выглядит эта женщина.

Людвиг. Какая женщина?

Жоан. Та самая, которую ты ждёшь.

Людвиг *(опустился на стул).* Здесь сидит человек, которого я давно не видел, и мне хочется узнать, где он живёт. Только и всего.

Жоан *(проследив за его взглядом, она обернулась, пытаясь выяснить на кого он смотрит).* Это женщина?

Людвиг. Нет. Мужчина, и больше я ничего тебе сказать не могу. Делай что хочешь. Но, прошу тебя, сядь за другой столик.

Жоан. К чему вся эта таинственность?

Людвиг *(a parte).* Если Хааке меня узнал, то непременно насторожился. В этом случае куда естественнее и безобиднее сидеть на террасе вдвоём с дамой, а не в одиночестве.

Людвиг. Никакой таинственности... Оставайся. Я посижу ещё немного, а потом встану и уйду... Один.

Жоан. Ты даже не подозреваешь, как я тебя иной раз ненавижу.

Людвиг. Что ж, бывает...

Он взглянул на столик Хааке: кельнер принёс туда кофе.

Жоан. До чего ты холоден, эгоистичен...

Людвиг. Всё это мы обсудим с тобой как-нибудь в другой раз.

Жоан. Никогда ты меня не любил. Ты играл мною. Видел, что я люблю тебя, и пренебрегал моей любовью.

Людвиг. Это правда. Но потом всё стало по-другому.

Жоан. Да, потом, потом! Когда всё пошло шиворот-навыворот! Когда было уже слишком поздно... Ты виноват во всём!

Людвиг. Знаю.

Жоан. Не смей так разговаривать со мной!

Людвиг. Ты поругалась со своим актёром?

Жоан. Да!

Людвиг. Ничего, помиритесь.

Жоан. Я могла бы и не говорить тебе этого. Могла бы сказать, что зашла сюда случайно. Но это не так. Я искала тебя. Я хочу уйти от него.

Людвиг. Ты не оригинальна. Так уж заведено.

Жоан. Я боюсь его. Он мне угрожает. Грозит застрелить меня.

Людвиг. Что такое?... Кто грозит?

Жоан. Он... грозит застрелить меня!

Людвиг. Ерунда! Тот, кто грозит убить, никогда не убьёт. И, уж во всяком случае, не сделает этого актёр.

Жоан. Я хочу уйти от него... Хочу вернуться к тебе... Ты даже не слушаешь, что я говорю!

Людвиг. Нет *(внезапно у него перехватило дыхание: Хааке неторопливо вылезал из-за стола)*... почему же?

Жоан *(вскочила с места).* Ты еще пожалеешь об этом!

Людвиг *(крепко схватил её за руку).* Подожди! Подожди минутку! *(Он заставил себя*

улыбнуться.) Садись.

Жоан (*готова была расплакаться*). Нет! (*Она попыталась высвободиться, и он отпустил её руку.*) Ты... пожалеешь!..

Пробираясь между столиками, Жоан быстрым шагом направилась к выходу. Людвиг быстро оглянулся. Его охватил панический страх, Хааке нигде не было видно.

Хааке (*обошёл его сзади и теперь стоял рядом*). Вы позволите? (*Людвиг обернулся и весь похолодел.*) Вы позволите? (*Хааке указал на стул, где только что сидела Жоан. Людвиг кивнул, он не мог произнести ни слова.*) Прекрасный вечер. (*Людвиг снова кивнул.*)

Людвиг (*a parte*). Он, конечно, узнал меня. Иначе зачем же сел?... Чего он хочет?

Хааке (*улыбнулся*). А у меня зоркий глаз, верно?

Людвиг (*с усилием выдавил из себя*). Очень может быть.

Хааке. Я сразу догадался, кто вы. (*Людвиг вопросительно посмотрел на него.*) По шраму на лбу. Такие шрамы бывают только у корпорантов. Значит, вы немец. Или, во всяком случае, учились в Германии. (*Он рассмеялся.*)

Людвиг (*a parte*). Это невозможно! Слишком всё это нелепо! Хааке понятия не имеет, кто я. Шрам на лбу принял за след студенческой дуэли.

Людвиг рассмеялся. Он смеялся вместе с Хааке.

Хааке. Я угадал?

Людвиг (*лишь сжав кулаки, так что ногти вонзились в ладони, сумел заставить себя перестать смеяться*). Попали в самую точку.

Кельнер принес Хааке коньяк.

Хааке (*с видом знатока понюхал его*). Коньяк у них хорош! Что правда, то правда. В остальном же (*махнул рукой*)... вся Франция прогнила... Народ-рантье. Жаждают безопасности и спокойной жизни. Фактически они уже сейчас в наших руках... Вы живёте в Париже?

Людвиг. Да.

Хааке. Давно?

Людвиг. Всегда.

Хааке. Понимаю. Вы натурализовавшийся немец? А родились вы здесь? (*Людвиг утвердительно покачал головой.*) Многие из наших лучших людей тоже родились вне Германии. Заместитель фюрера родился в Египте. Розенберг – в России. Дарре – выходец из Аргентины. Всё дело в мировоззрении, не так ли?

Людвиг. Только в нём.

Хааке (*просиял*). Я предвидел ваш ответ... Между прочим, разрешите представиться – фон Хааке.

Людвиг. Хорн.

Хааке. Фон Хорн?

Людвиг. Разумеется.

Хааке (*кивнул, проникаясь всё большим доверием к собеседнику, видя в нём достойного партнёра и единомышленника*). Вы, должно быть, хорошо знаете Париж?

Людвиг. Более или менее.

Хааке. У вас тут, надо полагать, есть, где поразвлечься?

Людвиг (*a parte*). Арийский сверхчеловек, по-видимому, не прочь кутнуть... Если бы только удалось затащить его на окраину, в какой-нибудь самый захудалый бордель!

Людвиг. Вы недавно в Париже?

Хааке. Каждые две недели я приезжаю сюда дня на два, на три. Своего рода контроль... Не могу вдаваться в подробности, но (*рассмеялся*)... За последний год мы здесь многого успели добиться. Всё налажено и действует безотказно... Продажный

народец. Почти не приходится заниматься разведкой. Сами доставляют всю информацию. Прямое следствие многопартийной системы. Каждая партия продает остальные, а заодно уж и родину. Измена родине как своеобразная разновидность патриотизма. Лишь бы нажиться. А мы, конечно, не возражаем. У нас здесь масса единомышленников, и притом в самых влиятельных кругах. *(Он поднял рюмку и дёргано усмехнулся.)* Знали бы вы, сколько у них самолётов и танков – со смеху помереть можно. Форменные кандидаты в самоубийцы!

Леони и Ивонна в элегантных костюмах прошли мимо столика и улыбнулись Людвигу.

Хааке. Очень недурны *(отпил, наконец, и поставил рюмку на стол)*... чёрт возьми!

Людвиг. Эти дамы промышляют любовью.

Хааке. Вы, должно быть, знаете в этом толк, не так ли? *(Глаза его заблестели.)* Говорят, в Париже есть совершенно потрясающие заведения. С ума можно сойти!..

Людвиг. А вы разве не бывали ни в одном из таких местечек?

Хааке. Заходил как-то, раза два-три... Но, видимо, до настоящего я так и не добрался. К тому же в подобных местах надо вести себя крайне осторожно. Один неверный шаг – и вы скомпрометированы.

Людвиг. Есть места, куда не попадает ни один турист.

Хааке. А вам они известны?

Людвиг. И даже очень хорошо. Время от времени я это делаю. Надо изведать всё, что только можно.

Хааке. Верно! Совершенно верно!

Людвиг *(a parte)*. Напоить и затащить куда-нибудь подальше в узкий, безлюдный переулок... Или в Булонский лес.

Людвиг. Это можно устроить. Сегодня я как раз собирался немного рассеяться.

Хааке. Правда?

Людвиг. Да.

Хааке. Та... шикарная женщина, с которой вы только что разговаривали... хорошая знакомая?

Людвиг. Да, весьма...

Хааке. Киноактриса?

Людвиг. Что-то в этом роде.

Хааке. Мне не очень-то легко... знакомиться... здесь. Времени нет. К тому же не знаешь... надёжных мест.

Людвиг. Можно устроить.

Хааке. Это было бы неплохо, чёрт возьми! А вы сами не заинтересованы?

Людвиг. В чём?

Хааке. Например... в той даме.

Людвиг. Нисколько.

Хааке. Она француженка?

Людвиг. По-моему, итальянка. Впрочем, не чистокровная. Примешалось ещё несколько рас.

Хааке. Неплохо. Дома такие вещи, конечно, невозможны. Но здесь я *(лукаво подмигнул Людвигу)*... так сказать, инкогнито...

Людвиг. Хотите, для начала побываем в «Maison de Rendez-vous»?

Хааке. А что это такое?

Людвиг. Дом, где великосветские дамы ищут неожиданных встреч.

Хааке. Не может быть! Действительно, дамы из высшего света?

Людвиг. Вот именно. Женщины, у которых старые мужья. Женщины, у которых скучные мужья. Женщины, у которых мужья слишком мало зарабатывают.

Хааке. Но позвольте... Не могут же они просто так... Как всё это устраивается?

Людвиг. Женщины приезжают туда на несколько часов. На коктейль или на ночную

чашку чая. Иных вызывают по телефону. Разумеется, это не вульгарное заведение, вроде тех, что на Монмартре. Всё в высшей мере благопристойно и элегантно. Во всём соблюдается полный такт.

Хааке. Безопасность полная? Не очень-то приятно привезти домой триппер.

Людвиг. Там вы *(клятвенно приложил к груди руку)*... совершенно ничем не рискуете.

Хааке *(залпом допил коньяк)*. Ваше предложение чрезвычайно заманчиво, дорогой фон Хорн. Но меня беспокоит одно: ведь это наверняка стоит уйму денег?

Людвиг. Напротив, это вовсе не дорого. Я очень хорошо знаком с хозяйкой. Она мне кое-чем обязана и примет нас как почётных гостей.

Хааке. Серьёзно?

Людвиг. Сами увидите. Всё обойдётся дешевле, чем бутылка вина в «Озирисе».

Хааке *(расплылся в широкой ухмылке)*. Чёрт возьми! Вот это я понимаю... Вы пользуетесь здесь большим влиянием?

Людвиг. Не слишком большим. Просто у меня есть друзья во влиятельных кругах.

Хааке. Ваши знакомства могут нам очень пригодиться. Поговорим как-нибудь об этом?

Людвиг. С удовольствием.

Хааке *(рассмеялся и, посмотрел на часы, вмонтированные в панель)*. Поезд уходит в семь тридцать утра... Мой багаж уже на вокзале... Успеем? *(Решительно встал из-за стола.)*

Людвиг *(проворно проделал тоже)*. Вам надо в отель?

Хааке. Нет. За номер я рассчитался сразу после обеда, чтобы не платить лишние сутки. А то, знаете ли, с моими валютными запасами... *(Он опять рассмеялся.)*

Людвиг *(a parte)*. Не верится... Столько счастливых случайностей – нет, это просто невозможно! *(Людвиг почувствовал, что и сам смеётся вместе с ним.)*

Затемнение... Ровный шум двигателя мчащегося автомобиля. Голос Людвиг: «Проснулись?» *Голос Хааке после смачной позевоты:* «Где мы?» *Голос Людвиг:* «В Булонском лесу. Недалеко от ресторана «Каскад». *Голос ещё не протрезвевшего Хааке:* «Сколько мы уже едем?»

Людвиг. Минут десять.

Хааке *(с интонацией некоторого беспокойства)*. Нет... больше.

Людвиг. Вряд ли.

Хааке. Я посмотрел на часы до того, как задремал. Мы едем не меньше полчаса.

Людвиг. В самом деле? А мне казалось, меньше... Скоро будем на месте.

Хааке *(обеспокоено)*. Где именно?

Людвиг. В «Maison de Rendez-vous».

Хааке *(совсем протрезвев, тихо, но с настойчивой твёрдостью)*. Возвращайтесь.

Людвиг. Прямо сейчас?

Хааке *(жёстко)*. Да.

Людвиг. Почему?

Хааке. Меня ждут в отеле.

Людвиг. Вы же сказали...

Хааке *(перебивая)*. Да, сказал. Но у меня есть и другие дела. Поезжайте обратно.

Людвиг. Что ж, поедем.

Громкая и ровная монотонность двигателя сменилась на более редкое урчание. Поскрипывание тормозов при развороте, шелест шин, глуховатые шлепки выхлопной трубы, тикающее постукивание маховика остановившейся машины. Рыкающая перебуксовка, затем плавно нарастающий рёв двигателя, переходящий в вой.

Хааке. Мы едем обратно?!

Людвиг. Да!

Свистящий стон шин на повороте, вопль мотора, которому дали полный газ.

Хааке. Ах ты-ы!..

Скрежещущий и разом оборвавшийся визг тормозов. Удар и одновременно хруст треснувшего и осыпающегося стекла... Оглушительно звонкая тишина... Стон Хааке... Ещё один, теперь уже глухой удар... Стрёкот кузнечиков в час пробуждения утра.

Картина 2.

Сен-Жермен. Парк. Чёрная решётка на фоне светлеющего неба. За ней деревья. Деревья... множество деревьев. За ними – лес».

Людвиг выкопал довольно глубокую яму, чтобы можно было завалить труп толстым слоем земли, затем подогнал машину поближе... Он остановил машину там, где кончался твёрдый грунт, – на мягком» могли остаться следы от шин. Распахнул дверцу до отказа, схватил Хааке за шиворот, выволок из машины и потащил сквозь кустарник к яме. Он был очень тяжёл. Людвиг обливался потом. Ему с трудом удалось преодолеть заросли кустарника. Протащив тело ещё несколько метров, остановился отдышаться. В ветвях одного из деревьев запела птица. Он вздрогнул.

Людвиг (a parte). В жизни не слышал ничего более громкого.

Внезапно раздался стон. Рука Хааке выползла из кармана пиджака и стала судорожно хвататься за траву. Людвиг ногой перевалил его на бок, вынул из кармана гаечный ключ и два раза ударил по затылку. Стоны прекратились. С отворачиванием нащупал артерию на дряблой шее.

Людвиг (a parte). Ещё жив.

Он с остервенением приподнял за лацканы всё ещё агонирующую телесную массу и привалил к стволу дерева. Голова представителя «сверхчеловечества» завалилась набок, но Людвиг, подхватив её под горло, поднял и повернул к себе лицом. Долго всматривается в этот отёкший, жутко перемазанный кровью и грязью, чудовищный лик монстра.

Людвиг (a parte). Всё должно было произойти иначе. Иначе!..

Людвиг (потормошил за нижнюю челюсть, не подающего ни малейших признаков жизни, Хааке). Эй!.. (Со злобой дунул в сомкнутые заплывшие веки.) Хааке!.. (За спиной снова раздался резкий щелчок птицы. Людвиг невольно оглянулся; и вдруг Хааке открыл один глаз, и этот глаз словно вылезал из орбиты, не переставая смотреть. От неожиданности Людвиг, охнув, отпрянул назад, но горла Хааке не выпустил и быстро справился с непроизвольным ужасом, который вызвал у него этот оживший глаз. Казалось, он отделился от головы и движется прямо на него. Людвиг крепче стиснул пальцы и ещё раз встряхнул Хааке.) Ты узнаёшь меня? (Глаз, не моргая, бессмысленно и бесстрастно продолжал буравить Людвига.) Ты знаешь, кто я?!.. Не припоминаешь, Хааке?! (Опять потрещал его за челюсть, как это проделывали с ним в гестапо.)

Голос Хааке (почудилось Людвигу, раздался у него за спиной). Разве мы с вами уже встречались?

Людвиг (обернулся по сторонам, затем подозрительно заглянул в полуоткрытый рот Хааке). Да... встречались.

Голос Хааке. Не припоминаю. Может, в кадетском корпусе?

Людвиг. Нет. Мы встретились гораздо позже.

Голос Хааке. Ну конечно! В Нюрнберге. На одном из съездов национал-социалистской партии.

Людвиг. Нет, Хааке. В Берлине. (Выпученный глаз смотрел куда-то вниз и мимо Людвига, поэтому он снова и снова дергал Хааке за челюсть.) На пытке, Хааке! На пытке! (Людвиг пригнулся и чуть отклонился в сторону, чтобы опять находиться в фокусе его застывшего глаза.) Теперь ты узнаёшь меня?

Голос Хааке. Разве всех упомнишь? Мы допрашивали тысячи людей...

Людвиг. Допрашивали?! (Обеими руками сдавил ему горло.) Мучили, избивали до потери сознания, отшибали почки, ломали кости, раздирали лица, расплющивали мошонки (с силой бьёт его об дерево)... И всё это вы называете столь невинным словом «допрашивали»?! (Людвиг, не отрываясь, глядел в невидимое лощёное ухмыляющееся лицо и не ослаблял хватки. Тело Хааке попыталось вытянуться, словно стремясь высвободиться из оков одежды. Рот раскрылся. Вывалился язык, толстый, жёлтый, обложенный. Всё... Кончено.)

Людвиг сделал несколько шагов и, почувствовав дрожь в коленях, схватился за ствол дерева. Его тошнило. Казалось, его вывернет наизнанку. Он попытался сдержаться. Безуспешно. Рвота, судорожная и мучительная, согнула его в три погибели и долго сотрясала тело. Когда спазмы прекратились, Людвиг, пошатываясь, отошёл прочь и в изнеможении опустился на мощный, торчащий из земли, корень раскидистого дуба. Рот был полон горькой, густой слюны, которая при каждом плевке вытягивалась, будто резиновая, приликая к губам, подбородку. Людвиг с брезгливостью утирался платком и снова принимался плевать. Наконец и эта напасть отступила. Он успокоился. Отыскал глазами в траве распластанное, застывшее навсегда, тело.

Людвиг (a parte). Он так и не узнал, кто и за что его убил... Хааке, маленький чиновник по ведомству страха, сам по себе значит немного, и всё же... Одним меньше. Вот в чём дело! Из сотен тысяч столь же подлых, как он, – пусть хоть одним меньше! Это – ничто и это – всё! Всё! Если бездействовать, мир навсегда потеряет что-то очень важное.

Вздутый, уже посиневший труп. Подтянув его к яме, Людвиг стал срывать одежду, сбрасывая её тут же в кучу.

Людвиг (a parte). Надо исключить всякую возможность опознания трупа, если его случайно обнаружат.

Оставив голое тело, он сходил к автомобилю и принёс молоток и тряпку, пропитанную машинным маслом. Прежде, чем приступить, Людвиг ещё раз заглянул в остеклённый глаз.

Людвиг. Я добрался до тебя!

Он накрыл тряпкой то, что несколько часов назад было лицом арийского господина во цвете лет, и стал бить по ней молотком. Звук показался ему слишком громким. Он замер, но тут же принялся быстро наносить удар за ударом. Затемнение. Удар за ударом...

ГИБЕЛЬ ЖОАН.

Картина 1.

«Энтернасьональ». – Людвиг проснулся, когда уже смеркалось. Он с усилием оторвался от подушки и сел, свесив ноги с кровати. В комнате сидел Морозов в своей «парадной» ливрее и решал шахматную задачу.

Морозов (увидев пробуждение Людвиг, сразу же достал две рюмки и бутылку водки).
Зубровка. (Начал распечатывать бутылку.)

Людвиг. Пить ничего не хочу, Борис. Но я чертовски голоден.

Морозов. Ладно. (Отставил водку и развернул свёрток, лежащий на столе.) Ржаной хлеб, огурцы, масло... (вытащил из кармана баночку икры) икра.

Людвиг. Борис, не будем ломать комедию. Я встретил его... убил... закопал в Сен-Жермене.

Морозов. Тебя кто-нибудь видел?

Людвиг (*пожав плечами*). Нет...

Морозов. Что ты сделал с его вещами?

Людвиг. Закопал. У меня остались только деньги и багажная квитанция. Он ещё вчера выписался из отеля и собирался уехать сегодня утром.

Морозов. Чёрт возьми! Действительно повезло!

Людвиг. Если получить багаж, никто не сможет узнать, куда он уехал.

Морозов. Не надо слишком хитрить. Это только насторожит полицию. Билет ты уничтожил?

Людвиг. Да.

Морозов. Сожги и её.

Людвиг. Хорошо.

Морозов. У тебя осталось ещё что-нибудь от него?

Людвиг. Деньги.

Морозов. Покажи.

Людвиг достал кредитки из нагрудного кармана, и протянул Борису.

Морозов (*взяв кредитки, головой показал на закуску*). Замори червячка. (*Людвиг взял ломоть чёрного хлеба и принялся жевать.*) Что ж, деньги как деньги. Что ты собираешься с ними делать?

Людвиг. Пошлю в фонд помощи беженцам.

Морозов. Разменяешь завтра, пошлешь через две недели.

Людвиг. Хорошо.

Морозов (*задумчиво смотрит на Людвига*). По-моему, тебе нужно скрыться на несколько недель. Поезжай в Канн или в Довиль. Сезон там в самом разгаре – поживёшь тихо и незаметно.

Людвиг. Нет, я останусь в Париже... Я не хочу бежать. Неужели тебе это непонятно? (*Морозов ничего не ответил, только пристально посмотрел ему в глаза.*) Борис, не гляди ты на меня, как сиделка, которая опасается, что её больного вот-вот хватит удар. Я уничтожил скота, он заслужил участи, худшей в тысячу... нет – во много тысяч раз худшую!.. А теперь вопрос исчерпан. Хааке больше не будет мучить людей.

Морозов (*взглянув на часы*). Мне пора.

Людвиг. Иди, Борис. Я ещё немного посижу. (*Он взял огурец и с хрустом откусил.*)

Морозов. Хочешь насладиться последними вечерами... перед концом света?

Людвиг. Именно так. Всё это больше не повторится.

Морозов. Тогда стоит ли горевать?

Людвиг. Конечно, не стоит. Ведь и мы тоже не повторимся. Вчерашний день отшумел.

Морозов (*встал*). Я понимаю, почему ты не хочешь уезжать. Отлично понимаю. Эх ты, костоправ-фаталист! (*Он пошёл к двери и вдруг обернулся.*) Я сегодня впервые почувствовал себя... старым. (*Уходит. Людвиг подошёл к окну, открыл ставни. С площади Этуаль на серебряных ступнях незаметно пришла прохлада.*)

Людвиг (*a parte*). Франция. Пять лет беспокойной жизни. Три месяца тюрьмы, нелегальное проживание, четыре высылки и столько же возвращений. Пять лет жизни... Я не так уж плохо прожил их. Познал и месть и любовь. (*Стук. Кто-то стучал в дверь.*) Неужели полиция? (*Стук усилился. Он открыл дверь. Незнакомый мужчина в смокинге, смутно напоминавший ему кого-то.*)

Людвиг. Что вам нужно?

Актёр. Если вы доктор Равик, то немедленно поезжайте к Жоан Маду. С ней произошло несчастье.

Людвиг. Какое ещё там несчастье?

Актёр. Она ранена...

Людвиг. Ранена?

Актёр. Она умирает. Едемте! Я выстрелил в неё!

Людвиг. Что?!

Актёр. Да, выстрелил...

Картина 2.

1 сентября 1939 года. – Клиника Вебера. Палата №12.

Жоан лежала спокойно. Её лицо было чисто вымыто и очень бледно. Обескровленные губы почти не выделялись. Мёртвые руки простёрлись на одеяле. Когда Людвиг вернулся в палату со шприцем и ампулами, актёр стоял на коленях перед кроватью.

Людвиг (a parte). Ну, ещё бы, конечно, на коленях. А как же иначе?

Людвиг. Встаньте.

Актёр (послушно поднялся). Я этого не хотел, мсье! Клянусь (*всхлипнул*)... я не хотел в неё попасть, вовсе не хотел (*стряхнул пыль с брюк*)... Случай, слепой, несчастный случай!

Людвиг (с отвращением отвернулся). Идите.

Актёр. Поймите же!

Людвиг. Идите!

Тот поплёлся к выходу.

Актёр (обращаясь к Жоан, стоя в дверях и роняя слёзы). Бэбе, я не хотел...

Людвиг (уже не сдерживаясь). Да убирайтесь вы, наконец!

Актёр. Бесчувственная скотина! Паршивый бош!

Людвиг. Вон отсюда!

Актёр проворно ретировался.

Жоан (открыла глаза и произнесла неожиданно громко и отчётливо). Какой идиот. Разумеется... не хотел, где уж ему... этому щенку. Я и сама в это никогда не верила... дразнила его...

Людвиг. Тебе вредно разговаривать.

Жоан. Да, дразнила... И вот что из этого вышло... Равик.

Людвиг. Да...

Жоан. Ты оперировал меня?

Людвиг. Нет, Жоан. Операции не потребовалось. Мы только прочистили рану.

Жоан. Ты останешься здесь?

Людвиг. Останусь...

Жоан. Я как свинцом налита... Голова болит... Невыносимо...

Людвиг. Сейчас тебе станет легче. (*Сделал ей укол.*)

Жоан. Это скоро подействует?

Людвиг. Через несколько минут.

Жоан. Равик... Что с моими ногами? Они обе уже не...

Людвиг. Ничего страшного. Когда встанешь, будешь ходить, как всегда.

Жоан. Зачем ты лжёшь? Не надо...

Людвиг. Я не лгу, Жоан.

Жоан. Лжёшь... ты обязан лгать... А я было собралась... начать жить по-новому... Хорошо, что ты пришёл... Что бы со мной стало без тебя?

Людвиг. Ты только не волнуйся, Жоан.

Жоан. Когда станет слишком больно, дай мне достаточную дозу... чтобы... всё сразу кончилось... Моя бабушка лежала пять дней... и всё время кричала. Я не хочу этого, Равик.

Людвиг. Хорошо, Жоан. Тебе совсем не будет больно.

Жоан. Ты должен это сделать... Обещай мне.

Людвиг. Обещаю.

Жоан. Ты вправе так поступить, Равик. Ведь без тебя... я бы уже вообще не жила...

Людвиг. Не говори глупостей.

Жоан. Помнишь... когда ты в первый раз встретил меня... Я хотела наложить на себя руки... Последний год моей жизни подарил мне ты. *(Она медленно повернула к нему голову.)* Почему я не осталась с тобой?..

Людвиг. Виноват во всём я, Жоан.

Жоан. Нет... Сама не знаю... в чём дело... Голова... Страшно болит голова... Как долго это тянется... как долго... ничто уже не помогает.

Людвиг. Ещё две-три минуты – и тебе станет легче.

Жоан. Мне надо тебе... многое сказать... многое объяснить.

Людвиг. Потом, Жоан...

Жоан. Нет, сейчас... а то не останется времени.

Людвиг. Я знаю всё, Жоан...

Жоан. Знаешь?

Людвиг. Мне так кажется.

Жоан. Ты знаешь... я всегда только с тобой...

Людвиг. Да, Жоан.

Жоан. А всё остальное... было одно... беспокойство.

Людвиг. Я знаю...

С минуту она лежала молча. Слышалось лишь её тяжёлое дыхание.

Жоан. Как странно... что человек может умереть... когда он любит... Мои руки... никогда уже не смогут обнять тебя... *(Она попыталась поднять руки и не смогла.)*

Людвиг *(склонился над ней и взял её безжизненные руки в свои).* Ты в моих объятиях. И я в твоих... Ты моя жизнь...

На мгновение Жоан перестала дышать. Её глаза, словно совсем затенились. Она их открыла. Огромные зрачки. И вдруг заговорила на языке своего детства. Она слишком устала, чтобы говорить на другом.

Жоан. Ti amo¹.

Людвиг. Ты вернула мне жизнь, Жоан. Я был мёртв, как камень. Ты пришла – и я снова ожил...

Жоан. Mi ami? ²

Людвиг. Любовь – не то слово. Оно слишком мало говорит. Оно – лишь капля в реке, листок на дереве. Всё это гораздо больше...

Жоан. Sono stata... sempre conte... ³

Людвиг *(сам не заметил, как вдруг заговорил по-немецки).* Immer warst du mit mir, liebte ich dich, hasste oder schien indifferent... immer warst du in mir und nichts konnte es verändern... ⁴

Жоан. Baciami. *(Он поцеловал горячие, сухие губы.)* Sono stata... perdita... senza di te. ⁵

Людвиг. Nein, das stimmt nicht. Ohne dich kam zum Erliegen. Du bist alle Leuchte, alle Wonne und Biffernis des Lebens. ⁶

Жоан силилась ещё что-то сказать. Её губы дрожали. Её руки и ноги застыли,

¹ Люблю тебя. (Итал.)

² Ты любишь меня? (Итал.)

³ Я всегда была с тобой... (Итал.)

⁴ Ты всегда была со мной, любил ли я тебя, ненавидел или казался безразличным... всегда была во мне, и ничто не могло этого изменить. (Нем.)

⁵ Поцелуй меня. Без тебя... я погибла. (Итал.)

⁶ Неправда, это я без тебя был совсем погибшим человеком. В тебе был весь свет, вся сладость и вся горечь жизни. (Нем.)

всё в ней омертвело, жили одни лишь глаза и губы; она ещё дышала, но он знал, что дыхательные мышцы постепенно захватываются параличом; она почти не могла говорить и уже задыхалась, скрежетала зубами, лицо исказилось... Хрипение, глубокое, страшное хрипение.

Жоан (выкрикнула с протяжным стоном). Aiuto!.. Ora!.. Aiu-uto!..¹

Людвиг быстро взял шприц, который он приготовил заранее, и ввёл иглу под кожу. Её веки затрепетали. Затем она успокоилась. Губы сомкнулись. Дыхание остановилось. Застывшее лицо Жоан стало совсем чужим.

Людвиг почувствовал, что спазм сдавил его горло, что сейчас задохнётся и рухнет на пол. Он выскочил в коридор и налетел на Эжени. Та очень испугалась и смутилась одновременно, и он понял: святоша подслушивала.

Людвиг (с презрением посмотрел в её бегающие глазки и отвернулся). Доктор Вебер у себя?

Эжени (затрясла головой, не решаясь даже взглянуть на него). Кажется, да.

В коридоре появился Вебер с газетой в руке. Увидев Людвиг, быстро подошёл.

Людвиг. Она умерла, Вебер. Можете известить полицию.

Вебер. Теперь полиции не до этого.

Людвиг. То есть?

Вебер (потряс газетой). Немецкие войска вторглись в Польшу. Война будет объявлена уже сегодня. У меня сведения из министерства.

Людвиг. Вот как всё обернулось...

Вебер. Да. Это конец. Бедная Франция!..

Людвиг. Как только будет объявлена война, нас всех интернируют. Это неизбежно.

Вебер. Если вас арестуют, немедленно дайте знать, где вы находитесь.

Людвиг. К чему вам неприятности, Вебер? Теперь с такими людьми, как я, лучше вовсе не знать.

Вебер. Почему? Ведь вы беженец!

Людвиг. Вы же сами прекрасно знаете, как на нас, беженцев, смотрят везде и всюду. На родине нас считают предателями, а на чужбине – иностранными подданными.

Вебер. Мне всё это безразлично... Сошлётесь на меня. Я за вас поручусь.

Людвиг (чуть снисходительно улыбнулся, зная определённо, что не воспользуется его предложением). Хорошо... Могу я вас попросить об услуге? Позаботьтесь о похоронах Жоан Маду. Сам я, наверно, уже не успею.

Вебер. Я, конечно, сделаю всё. Ещё что-нибудь?

Людвиг (покачал головой, протянул руку). Прощайте, Вебер. С вами хорошо работалось.

Вебер. Прощайте, Равик. (Жмёт ему руку.) Вам ещё причитается гонорар за последнюю операцию.

Людвиг. Израсходуйте эти деньги на похороны. (Он посмотрел на Эжени. К ней уже вернулось её обычное, чопорное, выражение лица, но взгляда Людвиг она выдержать не смогла, головку склонила и потупилась.) Прощайте, Эжени.

Эжени. Прощайте, герр Равик... Вы в отель?

Людвиг. Да. А что?

Эжени. О, ничего...

Людвиг, не оглядываясь, зашагал прочь, но перед поворотом на лестницу всё же чуть задержался и обернулся. Вебер и Эжени напряжённо следили, как он уходил.

¹ Помоги!.. Сейчас!.. Помоги-и! (Итал.)

ЛЮДВИГ ФРЕЗЕНБУРГ.

Людвиг долго сидел в Люксембургском саду. Он смотрел, как меняется освещение, как удлиняются тени. Он просидел так до вечера, не чувствуя ни грусти, ни сожаления. В памяти всплывали лица. Лица и годы.

В отель Людвиг возвращался, когда уже совсем стемнело. Перед отелем стоял грузовик.

Морозов (*вышел неожиданно из-за каштана и ухватил Людвиг за локоть*). Равик, там полиция.

Людвиг (*инертно*). Борис?

Морозов. Вот удостоверение личности (*протянул Людвигу*) на имя Ивана Клуге. Действительно ещё на полтора года.

Людвиг. Фальшивые документы в военное время – опасная вещь. Уж лучше никаких.

Морозов. Что же ты намерен делать?

Людвиг. Пойду в отель.

Морозов. Чёрт возьми! Стоило ли бежать из немецкого концлагеря, чтобы попасть во французский?

Людвиг. Борис, не беспокойся за меня. На войне всегда нужны врачи.

Морозов. Ты твёрдо решил, Равик?

Людвиг. Твёрдо. (*Он немного помолчал.*) Жоан умерла... Её застрелили... Тот самый актёр, над чьими угрозами я недавно смеялся... Надо её похоронить. Вебер обещал мне, но боюсь, его мобилизуют прежде, чем он успеет это сделать. Ты позаботишься о ней?

Морозов. Да.

Людвиг. Я пойду. Прощай. После войны встретимся в ресторане «Фуке».

Морозов. Со стороны Елисейских полей или авеню Георга Пятого?

Людвиг. Авеню Георга V. (*Рассмеялся.*) Какие же мы с тобой идиоты! Пара сопливого-героических идиотов!

Морозов. Да, дело дрянь. Даже проститься как следует и то стесняемся. А ну-ка иди сюда, идиот! (*Он обнял и расцеловал Людвиг в обе щёки.*)

Людвиг. Прощай, Борис. (*Выбрался из медвежьих объятий Морозова и, не оглядываясь, направился в отель.*)

Затемнение... Голос чиновника эмиграционной службы: «Паспорт есть?».
Голос Людвиг: «Нет». Голос чиновника: «Живёте здесь нелегально?»

Людвиг: Да.

Чиновник. По какой причине?

Людвиг. Бежал из Германии. Лишён возможности иметь документы.

Чиновник. Фамилия?

Людвиг. Фрезенбург.

Чиновник. Имя.

Людвиг. Людвиг.

Чиновник. Еврей?

Людвиг. Нет.

Чиновник. Профессия?

Людвиг. Врач.

Чиновник. А вы не знаете тут врача по фамилии Равик?

Людвиг. Нет.

Чиновник. Нам донесли, он должен проживать именно здесь.

Людвиг. Понятия не имею.

Чиновник. Выводите.

Шаги полицейского и Людвиг по паркету вестибюля... Шум открывающейся парадной двери «Энтернасьоналя»... Снова шаги. Сначала по ступенькам

стилобата. Потом по асфальту... Лязг открывшейся задней дверцы грузовика...

Голос Людвига. Куда мы едем?

Голос полицейского. Не знаю.

Лязг закрывшейся дверцы. Протяжный скрип задвижки... Затарахтел мотор.

Машина тронулась с рваными подвывами, вырывая на авеню Ваграм.

Голос Людвига. Вот я и снова в пути.

Грузовик, натужено стрекоча, миновал авеню Ваграм и выехал на площадь Этуаль.

Голос Людвига. Ни огонька... Кромешная тьма... Невозможно разглядеть даже Триумфальную арку.

Нарастающий вой двигателя...

КОНЕЦ.

(Май 2010г.)